

18 Марта

Фомальгаут

Правила
Челолова

Мария Фомальгаут

Правила челолова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63523358

ISBN 9785005193766

Аннотация

Уважаемый читатель, вам предстоят непростые задачи, подобрать правильный октябрь (или неправильный?), вернуть коту его цвет (или не его?), поймать человека (или не поймать?), увидеть кафедра (или не увидеть?), вернуть украденный закат (а кто его украл?), послать письмо (или оно пошлет вас?), стать замком... или... или нет, здесь уже без вариантов...

Содержание

Своими руками	5
Сбежавшее солнце	9
Согласие пирога	12
Печёный человек	18
Мэджик-Холл	23
Убитое Рождество	34
Луна для легенды	44
Слишком тоскливые октябри	49
Не черный кот	56
Солнце в волейбольной сетке	62
Пыль-караван-пыль-караван	68
Спать... Спать... Спать...	72
Черный кот в темной комнате	77
Пятикомнатный фонарь	87
То, чего нет	93
Душа ин альтиссимо	105
Пропавшее море	115
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Правила челолова

Мария Фомальгаут

Иллюстратор Мария Фомальгаут

© Мария Фомальгаут, 2020

© Мария Фомальгаут, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-9376-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Своими руками

Вот поражают меня современные дети, насколько они ничего не умеют и уметь не хотят – так, как будто за них всю жизнь все будут делать родители или прислуга какая-нибудь. Вот покажите мне хоть одного подростка, который умеет завязывать шнурки? Ну ладно, черт с ними, со шнурками, честно признаться, я их тоже завязывать не умею, хотя уже сто семьдесят лет на свете живу, а все выбираю обувь на липучках, на молниях, еще отговорки какие-то придумываю, что это красиво и стильно...

Но вы сами вдумайтесь – мне доводилось видеть детей, которые не могут приготовить обед! Алё, тебе уже три года, а ты не можешь клубничный пирог приготовить? Ничего, что я уже сам в полтора года ходил в лес с луком, со стрелами, клубнику эту на лету стрелял, силки на клубнику ставил, к завтраку уже пирог готовый был!

Я вам более того скажу. Современные дети не могут... построить дом. Я сам видел семилетнего мальчика, которому мама строила особняк. Ничего, что когда я в его годы выезжал куда-то на природу, то строил дом не только для себя, но иногда, увлекшись, возводил целые маленькие уютные городки, которые до сих пор привлекают туристов?

Но оказывается, и это еще не предел. Однажды мне довелось целый день бродить по белу свету, а ближе к вече-

ру я увидел уютный домик, где можно было бы выпить чаю после долгого пути. В домике оказались сестры-близняшки лет пяти, они очень обрадовались, что кто-то пришел к ним в гости, даже показали мне комнату для гостей. Меня сразу насторожил неприятный холод в доме, я уже хотел спросить, чего они не разведут огонь, когда девчонки попросили меня... разжечь очаг. Да-да, вы не ослышались, пятилетние девочки не могли сами пойти в лес, поймать огонь для очага, стреножить его и привести в камин. Они еще оправдывались, что их родители сейчас не могут развести огонь, потому что пошли за чаем и печеньем. Извините, я уже не помню, с какого возраста сам ходил на речку с удочкой ловить печенье, а уж найти чайное дерево и нарвать чайников с заваркой всегда была моя почетная обязанность.

Дорогие родители, я правда не понимаю вашего желания, чтобы дети ничего не делали. Вам что, неприятно видеть, как ваш сын сам залезет на дерево, чтобы вечером развесить на небе звезды? Или как ваша дочка садится за штурвал самолета, чтобы самостоятельно слетать в Париж?

Я уже не говорю о том, что большая часть наших детей не может самостоятельно приготовить луну и повесить её на небо. А тех, кто может управлять солнцем, вообще единицы. Ну конечно, а вдруг ненаглядное дитятко обожжется, а вдруг уронит тяжелое солнце, а уж рассчитать траекторию солнца в нужный день года, это вообще что-то запредельное. Ну а кто из нас не обжигался на солнце? Кто из нас не ронял

огромный солнечный шар? Кто из нас не ошибался в сложнейших расчетах, когда у нас солнце скакало по спирали или петлями? И ведь ничего, научились же, и даже различаем такие понятия, как восток и запад.

Самое обидное, когда такие вот ни к чему не приспособленные дети выходят в большой мир, и обнаруживают, что оказывается – о, ужас! – все приходится делать самим. Что и дома нет, его нужно выстроить своими руками, и леса перед домом нет, его нужно вырастить, и солнце утром не встало, потому что его никто не поднимал, и луны на небе нет, потому что никто её не сварил, не испек, не остудил в погребке, не повесил на небеса. Да мало того, оказывается, и земли под ногами нет, и неба над головой тоже нет, и нужно собственноручно создавать землю и небо...

Сбежавшее солнце

...есть города, где солнце аккуратно встает на востоке каждый день в одно и то же время, поднимается по небу в высшую свою точку, и аккуратно спускается к западу. К сожалению, не везде солнце ведет себя так пунктуально. Немало поселений, в которых светило все больше ленится с наступлением зимы, встает все позже и позже, спать уходит все раньше, а ближе к Сочельнику и вовсе выглядывает совсем ненадолго. Впрочем, попадаются места, где ближе к зиме солнце вообще впадает в спячку, и его не увидать до самой весны. Зато ближе к лету ему не спится, оно поднимается все раньше и раньше, светит людям в окна яркими лучами, громко включает музыку, шурует шваброй, а то и перфоратором.

Солнце в нашем городке встает, когда хочет, может целыми днями не показываться в небе или, наоборот, светить ночью и днем. Ложится наше светило тоже, когда ему вздумается, может сонно свернуться калачиком ближе к полудню или куролесить до самой полуночи.

У нас в городке солнце может встать и на востоке, и на западе, и над морем, даром, что никакого моря у нас в городе нет, и над воротами замка, и ему все равно, что в нашем городке никаких замков тоже никогда не было.

Двигается у нас солнышко тоже не по прямой линии, – мо-

жет поскакать по небу во весь опор, может прилечь где-нибудь на крыше, лениво помахивая хвостом, может погнаться за солнечными зайчиками, которых само же и напустило, увлекшись погоней, перевернет пару-тройку цветочных горшков, пробежит топчущими лапками по кухонным столам...

Потому мы и не удивились, когда звезды не было целую неделю, и даже следующую неделю – спохватились только когда уже почти прошел месяц, а солнца все не было и не было.

Мы развесили объявления – пропало солнце, особые приметы... начали вспоминать особые приметы, какие у него были пятна, выискивали фотографии, спохватились, что все снимки делают против света, но уж никак не наоборот.

Мы волновались, кто-то даже не спал ночами, выходил на улицу, звал солнце, хотя какой смысл звать солнце среди ночи, да какой вообще смысл звать солнце. Кто-то поговаривал, что оно могло попасть в капкан, после чего начали косо посматривать на всех охотников в городе. Кто-то, наоборот, поговаривал, что светило могли загрызть хищные звери, – на охотников начали смотреть с восхищением и надеждой, уж они-то наведут порядок, всенепременнейше...

Мало-помалу мы привыкали жить без солнца – ставили какие-то лампы дневного света, оранжереи, освещали улицы, в конце концов, делали же мы что-то раньше, когда звезда исчезала среди бела дня.

Поэтому мы даже удивились, когда солнце вернулось, – мы его не ждали, тем более – в час ночи, тем более – с выводком из шестерых солнышат, которые гонялись за солнечными зайчиками, опрокидывая цветочные горшки и срывая скатерти со столов.

Поначалу мы хотели пристроить солнышат в другие города, когда малыши подрастут – но потом передумали и оставили себе всех, всех, чтобы бегали по крышам и гонялись за собственными солнечными зайчиками. Не верите, сами приезжайте, посмотрите, найдете, не заблудитесь, если что, спросите у местных, Город Семи Солнц...

Согласие пирога

Я жду – да или нет, они не говорят – да или нет, я уже знаю, они так не скажут, потому что так положено, да и нет не говорите, черно-бело не просите. Они – в лице немолодого редактора, два развода за плечами, впереди смерть от инсульта в пятьдесят семь лет – смотрит на рукопись, я почти вижу, как качается несуществующий маятник в да или в нет, то туда, то тунет, то сюда, то сунет...

– Вот вы пишете... Побежали люди В золотой чертог, Королю на блюде Понесли пирог...

Сглатываю.

Киваю.

– Совершенно верно.

– Вот вы упоминаете короля... да еще и в таком ключе...

Даже не возражаю, что ни в каком не ключе.

– ...а вы получили согласие Его Величества, чтобы его упоминали в тексте?

– А...

– ...надо. Обязательно.

Уже чувствую, к чему все идет, спрашиваю на всякий случай:

– Я тут еще про королеву пишу...

Он вскидывается:

– А что это вы про королеву пишете?

– Ну вот... королева в спальне хлеб с вареньем ест...

Мне... согласие королевы тоже спрашивать?

– Ну, разумеется! Как же иначе, вот вы еще про фрейлину пишете...

– И ее согласие тоже?

– Конечно же! Вы же не хотите попасть под суд!

Делать нечего, сию минуту отправляю прошение во дворец, сколько живу, столько не умею прошения составлять, рассыпаюсь в любезностях, вот так, вроде бы сойдет...

И чую, что это еще не все, далеко не все...

– Ну вот, вы сочинили... Побежали люди... какие люди? Сколько?

– А... разве это имеет значение для стиха?

– Для стиха нет.

– А...

– ...ну, вы же понимаете, вам придется брать согласие этих людей, что вы во про них написали...

До меня доходит, что так легко не отвертеться. Спихватываюсь:

– Ну вот, я сам...

– Вы даете согласие?

– Даю.

– Так пишете же. Но здесь написано – люди...

– Гхм... моя жена.

– А она согласна?

– Она напишет согласие, я вам принесу.

– И что... и все?

– Ну... я думаю, да.

– Нет, тут смотрите, написано – сорок семь сорок, это великоват пирог получится, надо бы еще одного человека...

– ...вас.

– Что, простите?

– Вас возьмем... вот мы втроем и понесем пирог. Вы же не откажетесь, верно?

– М-мм-м... да, пожалуй, не откажусь... от пирога... ну вот дальше... вы говорите – пирог... а где согласие пирога?

– А...

– Вы меня поймите правильно, закон есть закон, без разрешения пирога я ничего не могу издать... потом вот вы пишете... семьдесят синичек...

Фыркаю:

– Мне что, согласие всех синичек спрашивать?

– Обязательно, а вы как хотели?

– И... и как мне из всех собрать?

– Ну... ну, я не знаю даже, кормушку, разве что, повесьте... для синиц... и отдельно для сорок потом, ложки там всякие серебряные разложите... кстати, у них тоже не забудьте согласие спросить..

В окно впархивает прошение, разворачиваю – приятное тепло по телу, есть-есть-есть, разрешили-разрешили-разрешили...

Он хмурится, что-то ему не нравится, черт возьми, по-

нять бы еще, что...

– Ну а остальные?

– Что – остальные?

– Ну, вы как маленький, честное слово... ваше прошение было во дворце, и что? Согласие короля, королевы, фрейлины. А вот вы пишете про золотой чертог, – а его согласие где? А трона? А манифеста? А, – тон понижается почти до шепота, – спальни королевы?

– Вы... вы смеетесь?

– Ничего я не смеюсь, это вы надо мной смеетесь, элементарных вещей не знаете, а мне потом влетит, что я не по закону все делаю... Так что пожалуйста, согласие чертога, обеда, трона, что у вас там еще...

– ...понимаете, тут такая накладочка вышла...

– Какая еще накладочка?

– Ну вот... разрешения на публикацию...

– Так-так... а разрешение праздника где?

– Так праздник уже прошел...

– Ну, значит, подождите годик, когда следующий начнется. Тэ-э-экс... а разрешение обеда? Вот, – птицы за обедом стали громко петь...

– Видите ли... в том-то и вся проблема... обед уже съели... и согласие пирога я не могу получить по той же причине...

– Так-так-так... а где же разрешение от хлеба с вареньем?

Развожу руками:

– Но ведь королева его...

– А, ну да...

– Послушайте... а может, есть какой-то закон, поправка какая-то, дополнение, что если субъекта уже не существует, его согласия не нужно?

– Гхм... надо будет посмотреть, вроде есть что-то такое... но... постойте-постойте, а нос фрейлины?

– Вот тут загвоздка вышла... нос фрейлины категорически не хочет давать своего позволения.

Они смотрят на меня.

Они.

В лице немолодого редактора.

– В таком случае, мне очень жаль... правда, очень жаль, замечательная у вас вещь получилась... но по закону нельзя, никак нельзя, вы же понимаете?

Вымученно киваю:

– Понимаю. Но нос фрейлины... ни в какую...

– Очень сожалею. Приятного вам вечера.

– И вам всего хорошего...

(в рассказе использовано английское стихотворение «Птицы в пироге» в переводе С. Я. Маршака)

Печёный человек

Сегодня праздник.

Сегодня решили человека испечь.

Ну а как, праздник же.

И не надо тут, а-а-а, это сло-ожно, аа-а, ни у кого не получа-а-ается...

У вас не получается, у нас получится.

Вот так.

У нас у всех, и у дядюшки Пая, и у тетушки Шарлотты, и у брата Пудинга, и у сестрицы Булочки, у нас у всех.

А вы завидуйте.

Ни у кого такого человека не будет.

Только у нас.

Как заведено, протоплазму на человека поставили, пусть поднимется. Все как надо добавили, углерод, водород, азот, стали ждать.

А не получится, говорит дядюшка Пай.

А типун тебе на язык, не получится, сердится тетушка Шарлотта, ишь, каркает тут.

Ждут.

В честь праздника тетушка Шарлотта новых яблок себе прикупила, а дядюшка Пай новые коржи, а сестрица Булочка и вовсе вся в обновках, и начинок-то у неё, начинок...

Кипит, клокочет в кастрюле, все, как по рецепту, как ве-

лено.

Аминокислоты.

Белки.

Коацерват.

А не получится, говорит дядюшка Пай, ну где это видано, чтобы получилось-то, не бывает такого вообще.

А получится, говорит тетушка Шарлотта, вот назло дядюшке Паю и получится, а то ишь, раскаркался тут.

И детишек у очага собирает, сказку рассказывает, как вот однажды жили-были пончики, и решили они испечь человека, и посадили его на окно, а он раз! – и убежал. И смеются ребятишки, ишь, выдумка какая забавная, что человек побежал...

А первичный бульон кипит, поднимается, вот уже и спиральные молекулы пошли, вот уже и оболочку какую-то вокруг себя выстраивают, все как по учебнику.

Братец Пудинг и сестрица Булочка тарелки готовят, на стол накрывают, вот вкусно-то будет...

Праздник же.

И человека вот испекли.

Ходят вокруг да около кастрюли, смотрят, как оно все там, а вот уже и клетки складываются, и трубки какие-то сворачиваются, и что-то ритмично так подрагивать начинает...

Волнуются дети, а вдруг не получится, да что значит, вдруг, где это вообще видано, чтобы человек получился.

А праздник.

И колокола звонят.

Это только по праздникам бывает.

И солнышко светит.

И птички поют.

Они только по праздникам поют.

И солнышко тоже только по праздникам светит.

А вот уже день к вечеру ползет, вот уже все и за столом собираются, салфеточки повязывают. Ох, вкусный, наверное, человек, прям пальчики оближешь.

Сначала жаркое из молодого месяца едят, его режешь, из него сок брызжет, ароматный такой, слюнки текут.

Потом сон, запеченный в полночи, тут вообще ум отъешь.

А ребятишки ждут с нетерпением, что там, что там на кухне...

И наконец-то.

Тетушка Шарлотта детишкам велит на кухню сбегать, проверить, что там творится.

Ребятишки бегут, обгоняют друг друга и даже самих себя.

Бережно-бережно, боязно-боязно поднимают крышку с кастрюли, смотрят.

Глазам не верят.

Вот ужас-то.

Человек.

Настоящий.

Тоже на них смотрит, глазами хлопает.

И сестрица Булочка слезы вытирает.

– А... а пусть...

И домой бегут, и кричат наперебой, что человек-то, человек...

И тетушка Шарлотта деток успокаивает, ну ничего, ничего, я вам звездочек напеку, и сказок нажарю... а человек... а что человек, он, может, и невкусный совсем даже...

И за столом все сидят.

И звездочки едят.

И сказки.

Зато завтра будет что в школе рассказать, что человека настоящего испекли, вот здорово было, а он сбежал, тоже здорово было. Правда, не поверит никто, скажут, ну-у-у, врете вы все, ишь чего выдумали, человек, скажут тоже... ладно бы луну испекли или город какой, а то придумали тоже, – человека...

Мэджик-Холл

Меня разоблачат, говорит себе дом.

Меня разоблачат.

Вернее, нет, они меня уже разоблачили, но не подают виду, они никогда не подают виду, они делают вид, что все нормально и все хорошо, и все так и должно быть, что вы, что вы, никаких проблем – а потом сделают что-нибудь ужасное, и даже не своими руками, а прикажут кому-нибудь, и эти кто-нибудь разберутся...

Ну конечно, так оно и будет, думает дом – и тут же гонит от себя эти мысли, ведь еще ничего не случилось, ну, конечно, ведь ничего не случилось, и если не думать ни о чем таком, ничего такого и не произойдет.

И никто не узнает, что у него нет имени.

Да-да, вот все эти напыщенные Челси-Холлы, Черри-Холлы, Брауни-Холлы, Пудинг-Холлы в жизни не догадаются, что никакой он не Мэджик-Холл, и близко не Мэджик-Холл, а самый обычный номер семнадцатый – для них это вообще дикость какая-то, что есть какие-то номера семнадцатые, двадцать седьмые, семьдесят первые. Ну, может, и есть, где-то там, там, в каких-то там кварталах, но уж никак не здесь, за узорчатыми оградами, где пьют... нет-нет, дома ничего не пьют, ну, тогда едят... нет-нет, и не едят дома, и говорят о... да нет, где вы вообще видели говорящие дома.

Никто не догадается, говорит себе Мэджик-Холл.

Никто не будет пристально разглядывать наскоро приколоченную табличку, да что значит, не будет, её уже все рассмотрели, уже обо всем догадались, только ничего не сказали, потому что в приличном обществе про такие вещи не говорят, да в приличном обществе такого даже случиться не может, вы о чем вообще...

Дом придирчиво оглядывает чопорные фасады Челси-Холла, Черри-Холла, Брауни-Холла, Фиш-Энд-Чипс-Холла, сравнивает со своими колоннами, башенками, арками и балконами, пытается уловить мимолетные различия. А больше всех сравнивает с Тенор-Виллой, вот уж где само совершенство, что может быть идеальнее. Дом и сам равнялся на Тенор-Виллу, когда приклеивал себе фасад из фальшивого камня, фальшивую черепичную крышу, клейкую ленту на окна, которую издали можно принять за витражи.

Дом сравнивает, ищет мимолетные отличия – нет, дом ничего не видит, глупый дом ничего не видит, – то ли дело они, особняки с многовековой историей, вот они сразу подметят окно не той формы или башенку не той высоты, или колонны не в том стиле, или решетку не с тем узором. И напрасно глупый, глупый дом заботливо украшал себя остроконечными крышами, шпилями и разноцветными витражами в окнах, тут будь ты хоть семи пядей во лбу, а за своего не сойдешь. И это только вопрос времени, когда на званом вечере появятся полицейские будки и скажут, что дом арестован.

Вопрос времени...

Уважаемые читатели, а вы бы не могли помочь дому?

Не беспокойтесь, это очень просто. Вы, пожалуйста, посмотрите в конец книги, что там дальше с домом будет? Прогонят его или нет, а может, у этой истории будет счастливый финал, и дом станет своим среди шикарных особняков, и даже завоюет любовь какой-нибудь башни...

Посмотрели?

И что там?

Да вы что? Быть не может!

И вы стоите пере домом семна... ой, извините, то есть, перед Мэджик-Холлом и не знаете, как сообщить ему, что в конце книжки от него останется только пепелище.

А может... а может, тогда не будем ему говорить, а? Зачем огорчать такой уютный дом...

Или нет, давайте все-таки скажем, тогда у дома будет время подготовиться, что-нибудь придумать, знать бы еще, кто его сожжет...

Мэджик-Холл слушает вас – очень внимательно, приходит в ужас – что не говорите, а такого поворота событий он не ожидал, что же делать, в самом-то деле... А может... а может, вы поможете еще, выдернете там последние страницы, чтобы Мэджик-Холл не погиб?

Ну, тут вы уже спохватываетесь, говорите, что ничего такого делать не будете, не так воспитаны, книжки рвать.

И что же дому делать?

А... а вот что. А раз дом знает, что случится, значит, он сделает все, чтобы этого не случилось. Тут бы, конечно, умнее всего пойти на попятную, тихонько скрыться с вечера, вернуться домой, только Мэджик-Холл не такой, зря, что ли, перестроил себя из дешевой панельки, зря, что ли, назвался Мэджик-Холлом?

А вы бы полистали книжку еще, посмотрели бы, может, там где имя убийцы промелькнет...

...и тогда вы убили Мэджик-Холл...

Это уже слишком в конце, давайте на пару абзацев выше...

...Брауни-Холл побледнел так, что стал виден цемент между кирпичами...

Вот! Точно! Спасибо вам огромное, вот теперь вы выручили нашего героя! Теперь он знает, что виноват Брауни-Холл! Теперь осталось только хорошенько следить за злодеем, чтобы он не успел ничего сделать. Вот он, как раз беседует с Тенор-Виллой, вокруг неё собралась стайка восторженных поклонников, ну еще бы, такая знатная особа, сразу видно, исторический памятник...

– Интересно, чем вы ему так не угодили, Брауни-Холлу

этому?

Дом разводит руками, растерянно смотрит на читателей:

– Слушайте, честное слово, ума не приложу, вроде наоборот, старался всем понравиться...

– А может, вот тут вы и прокололись, что сильно хотели понравиться, неудачно что-то сказали?

– Да что неудачно, что неудачно, я вот только восхитился, что его в четырнадцатом веке построили, а камни у него как новенькие, не то, что у других...

– Так может, это у них какой-то особый шик, что чем старше выглядят эти камни, тем лучше...

– Так я-то откуда это знать могу! Ну что такое, не ту лестницу не под тем углом построил, не ту картину не туда повесил, и началось...

Мэджик-Холл не договаривает, ловко перехватывает руку Брауни-Холла, когда тот уже хочет подпалить незваного гостя...

– Что вы себе позволяете?

– Тише, тише... – Брауни-Холл подносит палец-колонну к губам – полукруглому окну, – не кричите... итак... уважаемый... сколько вы хотите за молчание?

– Э... да, собственно...

– ...вы подумайте сами, как насчет земли в элитном районе? Вы получите неплохой земельный участок, у вас будет роскошный парк вокруг вас, настоящий ручей с мостиком!

– Э... ну...

(соглашайтесь, соглашайтесь, дорогой дом)

– ...а... я согласен...

– Вот и славно, я знал, что мы договоримся...

Уважаемый читатель, а вы бы не могли еще раз заглянуть в конец книги? Что-то поменялось? Как нет? Так вот оно что, Брауни-Холл заговаривает нашему герою зубы, чтобы потом все-таки незаметно от него избавиться! Ну, ничего, мы предупредим Мэджик-Холл, а заодно спросим у Брауни-Холла, а собственно, в чем дело, чем его так возмутили камни, как новые?

– А я понял, – говорит Мэджик-Холл, – в том-то и дело, что не как новые, а новые и есть. Вы никакой не старинный, а очень даже современный, вас года три назад построили, сделали под старину, а вы это так тщательно скрываете...

И напрасно мы делаем Мэджик-Холлу отчаянные знаки, он не понимает, что сейчас сам себя погубит, вот теперь его точно убьют...

Хотя...

Позвольте-позвольте, скажем мы, у Мэджик-Холла тоже есть свой секрет, и если вы, Брауни-Холл, узнаете его, то будете здорово удивлены. А ведь совсем недавно Мэджик-Холл был дешевой постройкой в чуть ли не бедняцком районе, и ему стоило немало труда хотя бы снаружи приукрасить себя, чтобы хоть снаружи быть похожим на старинный особняк!

– Зачем... зачем вы это сказали? – возмущается наш ге-

рой, – вы... вы на чьей стороне? Вы что, хотите, чтобы меня сию минуту выставили из высшего общества?

– Никто вас не выставит, успокойтесь... теперь у вашего противника есть козырь, теперь он знает, что вы не сможете его шантажировать, потому что и сами... м-м-м...

Нет, мы даже не можем сказать Мэджик-Холлу, что он ненастоящий, невежливо это в конце-то концов...

– Что же... – Брауни-Холл оживляется, – инцидент можно считать исчерпанным... я думаю... мы с вами станем отличными друзьями...

Тут бы Мэджик-Холлу самое время насторожиться, да как бы не так, настолько Мэджик-Холл польщен таким знакомством, как будто уже накрепко забыл, что Брауни-Холл никакой не старинный особняк, а самый что ни на есть современный...

– Друг мой, вы поможете мне разобраться с ней...

– С кем, простите?

– Да как же, с Тенор-Виллой... так и не могу понять, что это за особа...

– Я, честно говоря, тоже не понимаю...

– Вы заметили, ведь все при всем, все просто идеально, один к одному, стиль, красота, гармония, все эти башенки, лестницы, витражи, перила, колонны... и в то же время...

– Как будто... что-то не так... уж на что я ничего не понимаю в архитектуре...

– Ну что вы, вы так хорошо украсили себя, от настояще-

го не отличишь! Если бы вас не разоблачили, я бы в жизни не догадался, что вы ненастоящий! И ведь вы заметили мои новенькие кирпичи, а ведь как я тщательно оформлял их под старину...

– У вас получилось... ну почти-почти-почти...

– Итак, друг мой, вы готовы посмотреть поближе на Тенор-Виллу?

– Со всем моим превеликим удовольствием... Я и сам давно заинтересован...

Мэджик-Холл чувствует легкий укол ревности, хотя еще даже не знаком с виллой, ну где она, и где он, простой дом номер семна... нет-нет, мы не будем вспоминать, кем был когда-то Мэджик-Холл. Брауни представляет вилле нового гостя, очень приятно, весьма польщен...

Дом присматривается.

Приглядывается.

Пытается понять, что же не так, вот оно, вот оно, почти-почти-почти...

...да.

Ну, конечно же...

– ...я догадался.

– Да? – Брауни-Холл изумленно приподнимает бровь.

– Да. А ведь все так просто... Это не вилла.

– Не вилла?

– Это вообще не дом...

– А...

– ...не дом.

– А что же тогда...

– ...а ничего.

– Что вы имеете в виду?

– Имею в виду – ничего. Там ничего нет, ни стен, ни крыши, ни фундамента, там только безупречно расположенные витражи, перила и изгибы лестниц без самих лестниц!

– Но... но как такое могло появиться?

– Трудно сказать... может, она сама себя собрала из обломков, может, какой-нибудь безумный архитектор придумал её на потеху публике для какой-нибудь выставки, мало ли их сейчас развелось...

– Да вы что... изумительно... Как вы думаете, сколько мы на этом заработаем?

– В смысле... заработаем? – не понимает Мэджик-Холл.

– Ну как же... Тенор-Вилла боится разоблачения не меньше нас, так что без проблем отстегнет нам парочку миллионов...

– Даже не вздумайте!

– Что, простите?

– Не вздумайте шантажировать бедную девушку...

– Бедную девушку? – Брауни-Холл так и подпрыгивает – Помилуйте, эта мошенница ничуть не лучше нас!

– Если... если вы это сделаете, я вас...

– И что вы – меня? И что вы – меня? Вы, кажется, забыли, что сами не очень-то имеете право находиться здесь...

семна...

...Брауни-Холл не договаривает, – его прерывает грохот, все бросаются куда-то в никуда, изумленно смотрят на то, что минуту назад было Тенор-Виллой, а теперь упало с лестницы, рассыпалось на обломки, и теперь все видят витражи, перила, колонны, арки – а виллы и нет...

И все – от мала до велика, и стар, и млад, и огромные поместья, и совсем маленькие домики, и древние, как мир, замки, и викторианские особняки – все так и катятся со смеху, ха-а-а-ха-ха-ха-ха!

Мэджик-холл расталкивает всех, бросается к упавшей, помогает подн... да не подняться, собраться, по кусочкам, по обломкам, сам не замечает, как у него отваливается роскошный фасад, и снова все – от мала до велика, и стар, и млад, и огромные поместья, и совсем маленькие домики, и древние, как мир, замки, и викторианские особняки – все так и катятся со смеху, ха-а-а-ха-ха-ха-ха!

Тенор-Вилла подхватывает упавший фасад, крепит обратно, поправляет, благодарит, вы так любезны... И Мэджик-Холл подхватывает Тенор-Виллу под руку, пойдёмте отсюда, леди, что вы тут с ними, что они понимают вообще... А пойдёмте, кивает Тенор-Вилла, а я уютное местечко знаю на окраине города, там хорошо так, холмы зеленые, речка, красиво так...

Убитое Рождество

Только когда автобус подъехал к поместью, я понял, какую ошибку совершил, когда устроился на восемнадцатом этаже. Нет, здесь, конечно, было довольно уютно, если не считать бешеной тряски, от которой не спасали даже пристегнутые ремни. Я был очарован видом из окна на бескрайние равнины, за которыми виднелась кромка моря, даже успел сделать несколько снимков – но когда пришло время спускаться по головокружительной винтовой лестнице, я, честно говоря, проклял все на свете. Вдобавок, оказалось, что на десятом этаже у лестницы не хватает перил, так что я едва не полетел кувырком с немислимой высоты – а лететь кувырком мне нисколько не хотелось. Ветер дул так, будто хотел сдуть с нашего острова все, включая деревья и дома, – ему ничего не стоило подхватить меня, взъерошить страницы, унести далеко-далеко за край земли и швырнуть куда-нибудь в море. Я даже высказал свои претензии автобусу, на что получил оскорбительный ответ, дескать, что может случиться с книгой, если она упадет.

Кое-как под порывами ветра я добрался до поместья и уже горько пожалел, что не взял с собой большой чемодан.

Хозяин поместья – старомодный детектив, – встретил меня радушно, хотя и насторожено, и то правда, мало ли чего ждать от фантастического романа, принесет с собой про-

грессивные идеи, которые перевернут все вверх дном... Тем не менее, хозяин относился ко мне довольно тепло, чего нельзя сказать об увесистом фолианте, который подробнейшим образом рассказывал своим читателям историю Соединенного Королевства с самых древних времен, когда остров только поднялся со дна океана, и до наших дней, когда кот Палмерстон, главный мышелов, ушел на заслуженный отдых. При виде меня фолиант цедил сквозь зубы какие-то протокольные любезности, а сам смотрел на меня, как на величайшего злодея, который только и мечтает сокрушить многовековые традиции, и повергнуть весь славный остров в пучину хаоса. Не менее отстраненно держался и старинный рыцарский роман, – кажется, он вообще не понимал, что я такое, путешествия во времени были за пределами его понимания.

Когда стемнело, в дом, наконец, приехало Рождество, самый желанный гость, которого с нетерпением ждали мы все. Рождество привнесло в дом атмосферу уюта, праздника, предвкушения чего-то волнующе-трепетного, чего, может, и не случится, но его обязательно ждешь...

Вечером мы собрались за праздничным столом, старомодный детектив говорил красноречивые тосты, мы ели рождественский пудинг и гадали, кого из нас убьют на это Рождество – ведь если в рассказе собрались гости в особняке, наутро кого-то из них наверняка найдут мертвым. Когда время перевалило за полночь, мы разошлись по своим комнатам,

и я на всякий случай запер дверь – могло случиться и такое, что убийца просочился бы ко мне ночью. Я даже проверил, достаточно ли прочно закрыто окно, тем более, что внизу росло раскидистое дерево, по которому кто-то мог пробраться ко мне... Больше всего я боялся, что убийцей окажусь я сам, даром, что у меня и мысли не было лишать кого-то жизни, разве что автобус, привезший меня сюда...

Ночь я проспал на удивление крепко, а когда открыл глаза, часы показывали четверть седьмого. Мне захотелось свернуться калачиком и проспать еще хотя бы до девяти, что может быть приятнее рождественским утром. Однако, моим планам не удалось сбыться – оглушительный крик в гостиной заставил меня подскочить на постели, наскоро закутаться в халат и броситься вниз по лестнице. Я ожидал увидеть на полу в гостиной кого угодно, но когда передо мной открылась страшная картина, я не поверил своим глазам. На ковре возле праздничной ёлки лежало Рождество, которое кто-то пронзил острой шпагой. Я еще не верил, что можно вот так с легкостью убить Рождество, тем не менее, сомнений не оставалось, – самый почетный гость был убит.

Мы переглянулись с остальными – я понял, что мы стоим здесь все четверо, и уже никто не признается, что пришел первым, каждый из нас скажет, что бросился вниз, когда услышал крик...

– По традициям жанра вы, уважаемый детектив, должны опросить нас всех, где мы были, – напомнил я.

– Уж кто бы говорил про традиции! – вспыхнул фолиант, – да это вы и убили Рождество, вы, ненавидящий традиции!

Я так опешил, что даже не знал, что ему ответить. Наручники защелкнулись на моих руках, все произошло слишком быстро, прежде чем я успел что-то возразить.

– Но... – наконец, нашелся я, – это не по законам жанра, мы должны еще страниц триста искать, кто это сделал!

– Гхм... а ведь вы правы... хотя... вы посмотрите, сколько страниц прошло с самого начала? Сколько страниц вы ехали сюда? Одну? Две? Да и написал автор только про вас одного, нам ноль внимания – ясно же, что это будет короткий рассказ, а не большой роман! Все, я вызываю констебля...

– Позвольте... – старомодный детектив многозначительно покосился на дверь, – по законам жанра наш особняк замело снегом, мы в снежном плену, и телефон, конечно же, не работает.

– Ну, ничего... – фолиант смотрит на меня разгневанно, – я буду охранять вас... я не позволю, чтобы вы сбежали от правосудия...

– ...что мне делать? – спрашиваю я в пустоту, – что же мне делать?

– Друг мой, я мог бы освободить вас, но мой долг не позволит мне освободить убийцу...

Вздрагиваю от голоса старинного рыцарского романа, н-да-а, быстро же он начал называть меня убийцей...

– Но... я не виноват!

– Тогда вам нужно доказать вашу невиновность.

– Легко сказать... ни у кого из нас нет алиби...

– А вы же колдовством занимаетесь...

– Колдовством?

– Ну да... вы же как-то ходите из вчера в завтра, из завтра во вчера...

Ёкает сердце, понимаю, что могу уйти, вот так, просто, отступить на день назад, когда еще никто никого не убивал, и... черт возьми, я вообще могу предотвратить смерть Рождества...

Смотрю на исторический фолиант – он спит, и довольно крепко, а это значит, мне ничего не стоит потихоньку выскользнуть во вчерашний день, оказаться в кресле у очага, когда уже все потихоньку начинают дремать, расходиться по комнатам, желать друг другу самой доброй ночи и самых сладких снов.

Делаю вид, что поднимаюсь наверх, в комнаты, сам тут же переносусь на несколько часов вперед, оказываюсь в темноте гостиной перед погасшим очагом, выжидаю.

Кажется, я уже начал дремать, когда в комнате появилось Рождество – пахнущее омелой, ёлкой, имбирем, карамельным пуншем и пудингами. Рождество осторожно огляделось и принялось раскладывать под елкой блестящие коробки с большими бантами...

Рождество вздрагивает, замечает меня, обиженно вспы-

хивает огоньками:

– А-а-а, хотели подсмотреть... так нечестно, знаете ли...

– Да нет же, уважаемое Рождество, вы меня не поняли...

– ...не терпится получить свой подарок сразу же?

– Да нет же...

– Или вы... ах вы негодяй, уж не собирались ли вы забрать себе все подарки?

– Ни в коей мере... я...

Не успеваю договорить, в комнату врывается исторический фолиант, гневно смотрит на меня:

– Что вы тут делали? Вы хотели убить Рождество, не так ли?

Вспыхиваю:

– Не клеветайте. И вообще... что вы тут делаете?

– Слежу за вами, разумеется, чтобы вы не убили Рождество! И, судя по всему, вы собирались это сделать! Вы арестованы!

С этими словами он опять защелкнул на мне наручники и бросился к телефону. Дело принимало нешуточный оборот, но к счастью, по законам жанра телефон уже не работал, и дом замело снегом, чтобы мы не могли выбраться, пока по воле автора снег не расчистят какие-то неведомые уборщики, которых в детективе никто никогда не видел.

– Даже не надейтесь, что я позволю вам уйти от правосудия! – не унимался исторический фолиант – я буду охранять вас всю ночь...

Я хотел дожидаться, пока фолиант начнет дремать – чтобы поговорить с Рождеством – но оно, уложив подарки, отправилось спать в свою комнату, и мне только оставалось молиться, чтобы с нашим праздником больше ничего не случилось, ведь как знать, кто собирался его убить? А ведь я так и не предупредил Рождество об опасности...

Часы показали четверть четвертого, когда фолиант все-таки задремал в кресле. На мою беду, он положил ключи от наручников на каминную полку, до которой мне было не дотянуться – впрочем, можно было осторожно порыться в его карманах, вдруг там найдётся запасной ключ...

От волнения я совершенно забыл, что могу снова отступить назад – и, как оказалось позже, забыл на свое счастье. Я открыл спящий фолиант – главы о великих открытиях и славных морских сражениях презрительно глянули на меня, я перелистнул несколько страниц, и...

...я не сразу понял, что вижу, почему я вижу на страницах сотни людей, умерших голодной смертью, Бенгалия, что еще за Бенгалия, почему со страницы смотрят на меня полустлевшие детские тела, которые болтаются на виселице, это ужасик какой-то, а не исторический фолиант...

...мой пленитель просыпается.

Смотрит на меня.

Нехорошо смотрит.

Недобро. Все его взгляды до этого были лишь опасением, теперь же он смотрел так, что я не сомневался, – он убьет

меня, потому что... потому что...

...потому что я прочитал это, вот почему... но...

...кто-то перехватывает руку фолианта, уже занесенную со шпагой, вижу, как из темноты выходит Рождество, скручивает фолиант, защелкивает на нем наручники:

– Вы арестованы... уважаемый. Я само видело, как вы хотели убить фантастический роман...

Не выдерживаю, все-таки спрашиваю:

– Зачем... зачем вы хотели расправиться со мной?

Исторический фолиант не отвечает. Недоуменно переглядываюсь с Рождеством, оно говорит – как будто даже не мне, а себе самому:

– Он тоже хотел убить меня, когда я прочитало это...

Фолиант сердится:

– Вы не прочитали это... вы это дописали! Вы дописали гнусную клевету!

– Однако, уважаемый фолиант, это никак не может быть клеветой... – возразило Рождество, – я живу на свете уже немало веков, и, похоже, знаю вашу историю лучше, чем вы сами...

– ...именно поэтому Вы убили Рождество, – подытожил старомодный детектив. Я не заметил, как он вошел, почему-то пропуская вперед рыцарский роман.

– Но... – фолиант еще пытался что-то возразить, но безуспешно.

– Рождество знало про вас много, слишком много, боль-

ше, чем вы сами о себе знали. Что же вы хотите, Рождество живет на свете тысячи лет, повидало всякое... оно дописало вам недостающие строчки, про Бенгалию, про детей, убитых за кусок хлеба, про невинно осужденных... И вы испугались, уважаемый фолиант, испугались, что величайшая история Соединенного Королевства будет опозорена... и вы убили свидетеля, вернее, попытались убить, потому что уничтожить Рождество невозможно...

Фолиант резко выпрямился:

– Я... я готов понести наказание... но вы должны дать мне честное слово, что об этих страницах никто ничего не узнает, и они по-прежнему останутся тайной...

Здесь меня уже разобрал смех, хотя наивность фолианта была даже не забавной:

– Уважаемый фолиант, да будет вам известно, что об этом знают уже все, все, кто хоть мало-мальски знаком с историей... То, что это не написано на ваших страницах и не упоминается во всеуслышание, вовсе не значит, что об этом никто не знает!

– Немыслимо...

– А вы полагали, что в истории Соединенного Королевства есть только светлые страницы? До чего же вы ошибались...

– Позвольте, позвольте, господа, – старомодный детектив хлопает в ладоши, – довольно... преступление раскрыто... думаю, нам пора вернуться к подаркам, наконец, посмотр-

реть, что для нас приготовило уважаемое Рождество...

Луна для легенды

...покупаю кусочек луны, совсем маленький кусочек, так, слегка перекусить, не более того, здесь не принято заказывать больше, беру как раз такой кусочек, чтобы не смотрели косо...

...вы арестованы, а почему, а нипочему, а так, а вам все объяснят, только нигде ничего не объясняют, это вы украли полночь, да не трогал я вашу полночь, а ну выворачивайте карманы, да пожалуйста, да ничего у меня там нет, только кусочки воспоминаний, а чего это вы у меня их отбираете, кто вам разрешил, да я что, виноват, что ли, что у вас теперь в городе одиннадцать, и сразу час ночи, откуда я знаю, где полночь ваша...

...припарковываю то, на чем приехал, привязываю за уздечку, ищу подходящую гостиницу – гостиница находится в опавших листьях, очень уютная, заказываю кусочек луны, сжимаю зубы, чтобы не заказать больше, а то и сам стану круглым, как луна, а все вокруг смотрят косо, почему смотрят косо, и перешептываются, а этот-то, говорят, в какой-то стране полночь украд, сбежал потом, вот какие дела, и отворачиваюсь, и краснею, хотя ничего не крал...

...и выхожу на улицу, чтобы накормить того, на ком приехал, на ком ускакал из-под стражи, только сейчас спохватываюсь, что вижу полночь, оседланную и обузданную, полночь, на которой я уехал из города...

...вы арестованы, а что такое, а ничего такое, а пройдемте с нами, какого черта вы выпустили звезды, да не выпускал я никакие звезды, Октахор Симплекс, вы приговариваетесь, да никакой я не Октахор Симплекс, и не надо мне голову отрубать...

...в маленьком кафе перешептываются, вот люди там, за горами, за долами, сколько лет собирали звезды, по крупиночке, по звездиночке, а тут нате вам, нашелся звездозащитник долбанутый, выпустил их все, все, ищи теперь, свищи, говорят, ему голову отрубили...

...заказываю кусочек луны, совсем тоненький серпик, тут все заказывают тонюсенькие серпики, как будто можно не то, что насытиться серпиком, а вообще по-настоящему распробовать вкус. Хочу заказать еще, понимаю, что заработаю немало косых взглядов, и так уже смотрят косо, потому что я сию отдельно, а голову поставил отдельно на стол, а что делать, я не знаю, куда по этикету полагается отрубленную голову девать, на стол положить, или на стул, нет, так неудобно, или на тарелку, тарелку, попросить, что ли, тоже неловко

как-то, и не сразу попадаю вилкой в рот, еще не наловчился...

...нет, я не брал ваш город, это вообще не моя вина, что вы этот город до сих пор не построили, что история повернулась куда-то не туда, и ваша столица вообще не появилась, это не ко мне, это я вообще не знаю, к кому...

...улетаю из города на крыльях времени, а вы что, не знали, что у времени есть крылья, зря, что ли, говорят, что время летит, вот теперь оно у них в городе летать не будет, крылья-то от времени теперь у меня...

...заказываю кусочек луны, чуть побольше, чем обычно, кажется, напрасно я это сделал, и так смотрят косо, что за обжора такой нашелся, ишь какой, а не он ли украл полночь и выпустил звезды и не то время украл, не то столицу, не то и то и другое вместе, кто его знает, ем луну, листаю газету, разыскивается Октахор Симплекс, обвиняется и в том, и в этом, и еще много в чем...

...вы арестованы, вы обвиняетесь, в чем, да ни в чем, вы что-то замышляете, откуда мы знаем, что, это вам виднее, что вы там замышляете, а наше дело вас арестовать, все-таки Октахор Симплекс, местная легенда... Ах так, ах, легенда, говорите, да как же вы можете меня арестовать, если я леген-

да, легенды не арестовывают, легенды рассказывают и слушают, а еще записывают...

...ну, вы поймите меня правильно, я не могу принять приглашения всех городов, я же один, а городов много, или... или что я говорю, я же легенда, а для легенды это не проблема, я буду везде, захожу в уютное кафе, заказываю себе полную луну, да-да, господин официант, вы не ослышались, полную-полную головку луны, и я бы еще испытал угрызения совести, если бы почувствовал, что луны слишком много, что я не могу или не хочу её доедать, но ничего подобного, я наслаждаюсь, мне мало, я заказываю еще одну луну, ем большими кусками, мне хорошо, я поднимаюсь по лестнице в свой номер с гостиной и уютной спальней, довольный, круглый, как луна, я с наслаждением устраиваюсь на широкой кровати, я засыпа...

Слишком тоскливые октябри

– А можете мне... подобрать?

– Что подобрать?

Мне кажется, я ослышался. Что-то другое подобрать, но не это, не это...

Повторяет. С легким нажимом.

– Октябрь... можете мне подобрать?

Нет. Не ослышался. Никакой ошибки. Так все и есть...

– Э-э-э... – буквально проглатываю слова, что ничем подобным не занимаемся, у нас здесь, в конце концов... ну... ну уж во всяком случае не контора по производству октяблей.

Не выдерживаю:

– Зачем вам...

– Ну, должна же я где-то остановиться, правда же? В конце концов, незнакомый город, я тут совсем одна... а вы даже помочь не хотите!

Чувствую, что заливаюсь краской, этого еще не хватало...

– Хотим, хотим... очень хотим... так вы говорите... вам октябрь?

– Ну да, остановиться где-нибудь...

– А почему бы вам не выбрать гостиницу какую-нибудь?

Вспыхивает:

– Вы мне еще указывать будете?

Снова чувствую, что краснею, тьфу ты, черт...

– Ну да, хорошо... октябрь... октябрь... а... какого года?

Смущается:

– Ой, а выберите сами... вот на ваш вкус, вот что выберите, то выберите...

– Х-хорошо, сейчас подберу... смотрю на неё, пытаюсь понять, с кем я вообще имею дело, неужели...

– Вы, простите...

– Что?

– Вы... вы кто, простите...

Она начинает сердиться:

– Неужели так непонятно?

Мне понятно. Мне очень хорошо понятно, но я все еще не верю себе, что передо мной...

– ...ночь?

Она чуть сдержанно кивает:

– Ночь.

– Хорошо... я подберу для вас октябрь...

– Пожалуйста... какой-нибудь... особенный...

– Обязательно... это будет самый особенный из октябрей...

– ...вы... вы мне что подсунули-то?

– А что такое? – страшная догадка, – не октябрь? Не... не октябрь?

– Отчего же, октябрь, еще какой октябрь...

– Так что же... что же не так?

Ночь хмурится, мне кажется, вот-вот заплачет:

– Да уж больно он тоскливый получился, октябрь ваш...

Развожу руками:

– Ну а как вы хотели, октябрь, он октябрь и есть, если вам веселенькое что-то нужно было...

– Да не веселенькое, да как вы не понимаете! Вы мне можете хоть... не такой тоскливый?

Сжимаю зубы:

– Ну... из-звините... октябрь, он и есть октябрь, что есть, то есть...

Уходит. Недовольная. Разгневанная. Хочет недовольно хлопнуть дверью, вот этого от неё никак не ожидал, что она будет хлопать дверью, нет, замирает на пороге, оборачивается:

– Вы хоть понимаете... вы бы на это на все посмотрели... растерзанные тела... кровь...

– А?

Вздрагиваю, не успеваю ни о чем спросить – она уходит, хлопает дверью,, все-таки хлопает дверью, сильно, громко, разгневанно.

Догоняю. По темноте, по пустоте, по залитым дождем улицам, ловлю кого-то, не знаю кого, кричу куда-то, не знаю, куда:

– Пойдите! Подождите! Я... я найду для вас такой октябрь... хороший октябрь... я...

...ускользает.

Ну, еще бы, что я хотел, ухватить за хвост ночь...

– Вот... пожалуйста... возьмите...

Она недоверчиво смотрит на сверток.

– Опять что-нибудь страшное? Кровь, человеческие страдания, трупы?

– Нет, нет, клянусь вам, все будет по-другому... все будет иначе...

– Вы уже который раз клянетесь...

Даже не говорю, что только первый.

– Честное слово...

Удивляюсь себе самому, что нашел этот октябрь, из которого не льется кровь, что нашел её саму – а что тут искать, достаточно дожждаться, когда стемнеет...

...подскакиваю, когда распахивается дверь, она врывается – торопливая, нервная, взволнованная, говорит быстро, отрывисто, как это на неё не похоже...

– Спасибо! Спасибо вам огромное! Это просто чудесно было, просто чудесно!

– Ну вот, я же говорил...

– Да вы просто волшебник...

– И как оно вам...

– Да замечательно просто, настоящее чудо!

Не выдерживаю:

– И... и что же там было?

Искренне изумляется:

– А вы не...

– Да я-то знаю, я про ваши впечатления...

– Ой, я так испугалась, когда меня подбросили куда-то, и я как будто куда-то лечу, и не как будто, а правда куда-то лечу, выше, выше, и... знаете, чудо такое, вот только что был день, и уже ночь, глубокая такая ночь, представляете – бесконечная! Там, над землей, высоко-высоко, я, оказывается, никогда не кончаюсь... здорово так было на штуке на этой круглой с тремя палками...

Поясняю ей, что это такое.

Она не понимает:

– Чей спутник?

– Ну... получается, что и ваш тоже...

Она уходит. Оставляет мне октябри, октябри, октябри, вон они тянутся и тянутся по бесконечному коридору за закрытыми дверями – октябри, в которых сидят ночи, ночи, ночи, плачут, терзаются, потому что там происходит что-то страшное, ужасное что-то, из-за дверей подтекает кровь, где-то тонкими струйками, где-то мощными потоками, где как... Я прислушиваюсь к тому, что за дверями, на меня наваливаться какие-то жуткие мороки, вот я сижу в театре, на меня нацелены пушки, и я знаю, они будут стрелять по-настоящему, вот я просыпаюсь в холодном поту, оглядываю стены гостиничного номера, вспоминаю жуткий сон, где я па-

даю с головокругительной высоты навстречу собственной смерти, вот я на корабле, разорванном бомбой, захлебываюсь в ледяной воде, вот...

Оглядываю бесконечно длинный коридор октябрей, уводящих в никуда. Отчаянно припоминаю, где у меня молоко, заколотить октябри, октябри, октябри, кровавые, пылающие...

Сжимаю зубы.

Распахиваю ближайшую дверь, где кто-то лежит в полумраке номера, смотрит в потолок, пытается отогнать от себя тревожный сон.

Я должен сказать ему что-то, чтобы не летел завтра, да что ему, я должен их всех найти, и сказать, и это только начало...

...а хотите октябрь?

Я для вас подберу...

Вместе мы их быстрее исправим...

...все...

Не черный кот

– Понимаете... я потерял свой цвет...

Смотрю на посетителя, не сразу понимаю, что вижу кота, большого, серого, что он там потерял, не разобрать, говорит как-то... неразборчиво, ну еще бы я хотел, чтобы кот разборчиво говорил, не слишком ли много хочу от кота...

– Что, простите, потеряли?

– Да цвет же, цвет!

– Цвет? А... простите... но вы же... вот, вы серый...

Кот сердится, выгибает спину, начинает шипеть и фыркать:

– Вот именно, сер-рый, с-с-с-сер-р-рый, а я какой должен быть?

– Так это... это не ваш цвет?

– Ну, конечно, не мой!

– А ваш цвет, простите...

– Черный, чисто черный! А вы... с-с-с-ер-р-ый...

– Черный? И вы...

– И я потерял свой цвет!

Кот снова недовольно фыркает, выгибает спину. Отчаянно соображаю, как можно успокоить моего посетителя:

– Не желаете ли... чашечку кофе?

– Спасибо, не откажусь.

– В-вот... п-пожалуйста...

– Премного благодарен, – кот сталкивает чашечку со стола, с интересом смотрит на осколки, – так давайте вернемся к моему цветцу...

– Но... позвольте... это же невозможно, чтобы вы выбежали из комнаты, а черный цвет от вас там остался...

– Вот-вот, я тоже так думал, – кот уютно устраивается в кресле, начинает вылизываться, – пока сам не потерял свой цвет... вот так вот выскочил из комнаты... ну там был веник, понимаете же?

– П-понимаю...

– Да ничего вы не понимаете, вы-то веников не боитесь! Ну вот, я выскочил... а черный цвет... потерялся...

Хочу заметить, что может, все не так мрачно, может, кот испачкался в чем-то – да нет, не похоже, чистый серый цвет...

– М-м-м... послушайте... уважаемый кот... а если вам попробовать...

– Что попробовать?

– Сбросить этот цвет... как вы сбросили тот?

– Думаете... – кот недовольно фыркает в усы, – получится?

– Но... если не попробуете, не узнаете.

Кот пробует. Прыгает. Смешно кувыркается в прыжке. Оторопело смотрю, как серый цвет действительно соскакивает с кота, уступая место знойно-рыжему.

– Не то... – кот разочарованно оглядывает свою шубку, –

не то...

Хочу сказать, что ему так очень идет, ну прям очень-очень, – не говорю, понимаю, что это не тот ответ, которого ждет от меня кот, что он хочет быть черным, именно черным, а не каким-то там...

Не отступаю:

– Попробуйте еще раз... не сдавайтесь.

Кот прыгает, кувыркается, неуклюже плюхается на ковер. Теперь он белый с темными пятнами, но все-таки белый, опять не то...

– А если попро...

Кот снова шипит, снова фыркает:

– Ну, знаете, эдак я вообще без цвета останусь! Вы мой цвет найдите, мой!

– Ну, хорошо, хорошо... давайте... вспомним... где вы были сегодня?

– Ну, знаете... – (фыр-фыр) – это мое личное дело, где я был!

– Но... боюсь, тогда ничем не смогу помочь...

– Это еще почему же? – кот начинает гневно чесать за ухом.

– Потому что... ну вы сами подумайте... Если я не буду знать, где вы были, где же мне искать ваш... цвет?

Кот снова недовольно фыркает, лапочкой-лапочкой подталкивает мою чашку к краю стола:

– Ну, это уже просто незаконно... я буду жаловаться... ну,

хорошо... я был в мясной лавке...

– Так давайте наведаемся туда, и...

– Но-но, вы же не хотите, чтобы мне опять досталось венником? – чашка со звоном летит на пол.

Начинаю догадываться, что случилось там, в мясной лавке, откуда так маняще пахнет копчеными сосисками... Догадываюсь и еще кое о чем, а именно...

– Вы хотите... чтобы я сам зашел в лавку, и...

– ...да, и может быть, вы найдете мой цвет...

Динькает колокольчик, я заглядываю в аромат пряностей и копченостей, уже понимаю, что уйду отсюда не только с черным цветом. Уже потихоньку подумываю, что все это неспроста, может, кто нарочно заманивает сюда людей, чтобы...

...расплачиваюсь с мясником, краем глаза оглядываю что-то темное на полу, а вот оно, неужели...

...так и есть.

Хватаю черный цвет, почему-то тайком, такое чувство странное, что мне этот цвет не принадлежит...

– Вот... посмотрите... пожалуйста...

Кот смотрит не на цвет, а на содержимое моего пакета, ну еще бы, я уже сам на него смотрю...

– Что? А, да цвет... дайте-ка взглянуть... – мой клиент недоверчиво смотрит, примеряет, тут же радостно подпры-

гивает, чистый, чисто черный кот, наконец-то нашедший свой цвет, – вы не представляете... не представляете, как я вам благодарен... Сколько... сколько я вам должен?

– Что вы, что вы... честь не позволяет мне брать деньги... с котов...

Кот удаляется, все еще поглядывая на мой пакет, да я уже и сам на него поглядываю...

– ...вы... что вы сделали, позвольте узнать?

– А... а что такое?

– Да вы на мое пальто посмотрите, на пальто на мое!

– А... а что с ним такое?

Оторопело смотрю на пальто мясника, пальто, как пальто, серое, ничем не примечательное...

– Что... что вы с ним сделали?

– Да я... да я к вашему пальту... к вашему пальто... даже не прикасался...

– А цвет? Цвет?

Хочу похвалить цвет, тут же спохватываюсь:

– Оно должно быть... черным?

– Ну, разумеется, каким же еще? А вы... куда вы дели мой цвет?

– Это все кот... кот...

– Этот разбойник обманул и вас тоже?

Капитулирующе поднимаю руки:

– Похоже на то... но... мы найдем его... клянусь вам...

не будь я детектив...

Солнце в волейбольной сетке

А я где буду, спрашивает Вал.

А ты в комнате наверху будешь, говорят папа с мамой.

А я где буду, спрашивает маленькая Салл.

А ты в комнатке рядом с нами будешь, говорят папа с мамой.

А Салл слезами заливаается, а-а-а, а я наве-е-е-рх хочу-у-у-у!

Вал бы тоже слезами залился, только Валу уже пятнадцать лет, поздновато уже слезами заливаться.

Ну, тут как всегда ругаться начинают, мне, нет мне.

Так всегда.

Как с дачи уезжать, так начинается.

Как на дачу ехать, впрочем, тоже начинается.

А я там буду, нет, я там буду, нет, я там буду, нет, я, нет, я, нет-я-нет-я-нет-я.

А папа с мамой переглядываются. А что поделать, оно всегда так бывает, поругаются-поругаются да успокоятся.

А кресло с собой возьмем, мама говорит.

Да куда кресло, куда кресло, папа крыльями хлопает, сами-то еле поместимся, кресло еще.

А все равно возьмем, мама говорит. И камин возьмем. Он тоже с нами поедет. И плед еще возьмем. И светильник в виде месяца.

И папа снова за голову хватается, да как мы все это потащим-то, ты бы еще луну с неба прихватила, и дерево у ворот, и веранду.

Мама молчит, помалкивает, что луну уже упаковала и в багажник спрятала, и веранду тоже, и дерево у ворот.

А Салл с Валом играют с Самми, ну, как всегда играли, так и теперь.

Прыгает по песку горячее, раскаленное солнце, Вал хватает его голыми руками, бросает через волейбольную сетку.

Самми ловит солнце зубами, ловко получилось.

Вечером мирятся.

Ладно, пусть ты наверху будешь, говорит Салл.

Да нет, пусть ты наверху будешь, говорит Вал.

А давай вместе наверху будем, еще одну комнатку которая возле родителей наверх перенесем.

А давай.

А я где буду, спрашивает Самми.

Все переглядываются.

Смущенно молчат.

Мама бормочет что-то про еще одну комнату не то для гостей, не то непонятно для кого, все молчат, все и так знают, что никакой комнаты нет.

Собираются.

Салл не может свой второй сапожок найти, потом вспоминает, что его и не было, что она в одном и была.

Папа на маму ругается, ты бы еще весь дом с собой взяла.
Мама сердится, запаковывает дом в коробку, сверху накрывает другой, скотчем обматывает, вот и готово.

– Ма, а давай возьмем...

Это Салл. Или Вал.

– Ма, а давай...

Это Вал. Или Салл.

Ну, мы тихо-о-нечко.

Ну, тут ясное дело, папа-мама говорит, об этом и речи быть не может, ну как всегда папы-мамы про такое говорят.

А потом зима пришла.

Первый снег.

Ну, вот такие они, папа-мама Вала и Салл, до последнего на даче живут, выходят по утрам на белесоватое от рассветного холодка крыльцо, смотрят на поля, подернутые инеем, на позолоченные деревья.

А вот когда первый снег выпадет, вот тогда да, пора в город.

Вал берет солнце, бросает его Самми далеко-далеко-далеко, лови-лови-лови...

Самми бежит за солнцем, скорей-скорей, ловит зубами остывшее солнце, еще не зимнее, но уже не осеннее.

Оборачивается.

А... а где?

А никого нет...

Самми бежит за пыльным следом на дороге.

Самми.

Саммер.

Уау.

Йей.

Зоммер.

Верано.

Суви.

Нуари.

Эте.

Лета.

Лято.

Льете.

Жай.

Кенгеж.

Лето.

Лето.

Лето.

Ну а как вы хотели, вот так бывает, когда с дачи уезжают, а лето на даче бросят.

Люди, не бросайте лето на даче.

Потому что это неправда, что вот вы уедете, а лето само по себе останется как-нибудь. Не останется, потому что за летом осень приходит, а за осенью зима.

Лето бежит – через пыль, через пустоту, через холмы, че-

рез миры и галактики, догоняет неведомо кого, тает в ледяном дыхании осени...

...лето просыпается.

Сонно потягивается.

Сегодня и собираться пора.

И в путь.

Лето бросает в сумку воспоминания, сожаления о чем-то ни о чем, надежды непонятно на что.

Потом прощальный завтрак.

Со всей семьей.

Вслух не говорят, но уже понятно – прощальный.

Папа-мама смотрят на лето – с надеждой.

Вал (Валентин) и Салл (Салли) смотрят на лето – с надеждой.

Зря, что ли, посылали сегодня лету сон, как будто это они уезжают, а оно, лето, остается. Зря, что ли, намекали. Зря, что ли, просили.

Лето не говорит ни да, ни нет.

Днем закрутились, замешкались, бац – а лета и нет.

Ушло.

И солнце остывает.

И падает снег.

И зима – на долгие-долгие годы.

Оледенение.

Люди смотрят с надеждой, может, вернется лето, может,

ВСПОМНИТ...

...а вдруг...

Пыль-караван-пыль-караван

Пыль-караван-пыль-караван-пыль-караван-пыль-караван.

Конское ржание.

Окрики погонщиков, подгоняющих неведомо кого, отсюда, в пыли и суете даже не видно, кого именно.

Мешки с поклажей.

Покачиваются на спинах верблюдов замки, дворцы, целые города, покачиваются колокола на колокольнях, тихонько позвякивают.

Жмурится черный кот на подушке падишаха, смотрит на бескрайние горизонты.

Чу!

Тпр-р-р-у!

Ну!

Что-то там, впереди, непонятное что-то, тревожное что-то, что-то...

А вот.

Развилка двух дорог, здесь, совсем рядом, всего-то в паре шагов.

Вот и – чу.

Вот и – тпру.

Вот и – ну.

Замирают караваны.

Замирают народы, эпохи и государства, смотрят люди в плену будущего.

Развилка.

Три... нет, пять путей.

Пути, уводящие в никуда.

Слуги бережно снимают подушку с котом, бережно ставят кота на дорогу.

Ждут.

Черный кот настороженно фыркает, перебегает один из путей, второй, замирает перед третьим, недовольно принохивается, прыгает к четвертому пути, шипит, распушает звост, идет бочком-бочком-бочком, выгибает спину.

Перебегает.

Нюхает пятый путь, долго примеряется, долго сомневается. Люди смотрят с надеждой, там, на горизонте пятого пути виднеется что-то хорошее, город какой-то светлый, пронизанный сиянием. Наконец, кот перебегает пятую дорогу, перескакивает резвыми прыжками, гневно шипит.

Люди замирают.

Люди хотят туда, где город, где свет, люди хотят захватить дивный город, связать, пленить, положить в поклажу, – люди не хотят на третий путь, уводящий в ледяной туман осени.

Падишах неуверенно смотрит в сторону сияющего города.

Кот фыркает, кот шипит, кот сверкает огромными желтыми глазищами, и нельзя идти в сияющий город, кот же дорогу перешел, кот-то свое дело знает...

Сердится падишах.

Гневается падишах.

И люди гnevаются, не дали караванам-городам пойти, захватить дивный город...

Взмахивает падишах острой саблей, вздрагивает кот – легкий, стремительный, быстрый, но сабля быстрее...

...Рука визиря перехватывает руку падишаха, визирь говорит – быстро, торопливо, что есть такие вот города, которые в темноте светятся, вот люди туда идут, а потом кровью харкают, и на землю ложатся, и умирают, и все.

Вот так бывает там, где города светятся.

Падишах опускает меч, последний раз смотрит в туманную даль.

Пыль-караван-пыль-караван-пыль-караван-пыль-караван.

Конское ржание.

Окрики погонщиков, подгоняющих неведомо кого, отсюда, в пыли и суете даже не видно, кого именно.

Мешки с поклажей.

Покачиваются на спинах верблюдов замки, дворцы, целые города, покачиваются колокола на колокольнях, тихонько позвякивают.

Жмурится черный кот на подушке падишаха, смотрит на бескрайние горизонты.

Смотрит на еще один спасенный город.

Спать... Спать... Спать...

Спать.

Спать.

Спать.

Легко сказать – спать, после такого, после всего, что произошло, навалилось непонятно откуда со всех сторон, заставило с криком подскочить на постели. Какие-то не то не люди, не то не люди, какие-то темные тени, сейчас уже и не вспомню толком, и хорошо, что не вспомню. Какой-то жуткий мир, доживающий свои последние дни, какие-то руины не пойми чего, какой-то тусклый свет, больше похожий на тьму. Были вокруг, и в то же время внутри меня, царапали мое сознание, обжигали разум...

Спать.

Спать.

Спать.

Легко сказать – спать, когда опять полнолуние, и я уже точно знаю, что опять придут они, как приходят каждую ночь, когда полная луна поднимается над темными крышами, снова навалится неясное наваждение, не поймешь, где сон, где явь, то ли я лежу в своей уютной спальне, то ли среди руин в умирающем мире, и меня окружают неведомые твари. ...нет, это не сны, в том-то и дело, что это не сны, ес-

ли бы у меня была хоть какая-то надежда, что все это окажется не более чем кошмарным сном – я бы не беспокоился сам, я бы жил, как жил, вешал бы над кроватью оберег от дурных снов. Но это не сны, нет, не сны, чем дальше, тем сильнее чувствую, что это нечто большее...

Спать.

Спать.

Спать.

Легко сказать – спать, когда наступает ночь, которую лучше провести, ни на секунду не сомкнув глаз, ночь, которая, однако, сама сковывает нас по рукам и ногам, обволакивает наши умы, погружает в крепкий глубокий сон. Напрасно собираемся друг у друга по домам, устраиваем шумные празднества каждое полнолуние, танцы у очага или у костра, если на улице тепло и лето. И тщетно, все тщетно, мертвый сон окутывает всех нас, и – силы небесные, если бы это был только сон! Я отчаянно пытаюсь вырваться из ночного кошмара, я просыпаюсь – почти-почти-почти, и в зыбкие секунды между сном и явью я вижу гостиную своего дома или улицу городка, или темноту спальни, – и отчетливо вижу обрывки сна, мерзких чудищ, которые только что сновали по заснеженной пустыне, а теперь вышагивают по комнате...

Спать.

Спать.

Спать.

Легко сказать – спать, когда сегодня решится все, когда сегодня мы узнаем, кто возьмет верх, кто победит в безумной битве, они или мы. Или наши обереги остановят темную силу, или жуткие твари из кошмарных сновидений прорвутся в мир яви. Легко сказать – спать, когда обещали друг другу, что не проснемся, если темные не то не люди, не то нелюди не испугаются оберегов. Когда обещали друг другу кануть в небытие, только не пропустить в мир то темное, неведомое, жуткое. И никому не верится, что какие-то банальные ловцы снов могут уберечь нас от беды...

Спать.

Спать.

Спать.

Легко сказать – спать, когда наваливаются воспоминания, когда каждый раз, когда золоченый каравай луны очерчивает полный круг, мы по привычке ждем чего-то страшного, ночных кошмаров, которые придут за нами, стоит нам только закрыть глаза. Мы уже знаем, что ничего страшного не будет – но это не помогает. Сегодня будут плакать дети, напуганные полной луной, и кто-нибудь будет допоздна сидеть в гостиной, чтобы как можно дольше не идти спать...

Спать.

Спать.

Спать.

Легко сказать – спать, когда не знаем, проснемся ли завтра, останется ли хоть кто-то на умирающей заснеженной земле. А что мы хотели, скажет кто-то, сколько веков прошло, сколько тысячелетий, не может земля жить вечно. А что мы хотели, скажет кто-то, не может быть, чтобы нам всегда везло, и всегда все было хорошо, и так сколько раз выходили победителями, даром, что ли остались в преданиях бесконечно древние легенды, как тысячи лет назад берегами прогнали от городка ночные кошмары, готовые прорваться в реальный мир. И сейчас справимся, говорим себе, нужно только подумать, как это сделать, время еще есть...

Спать.

Спать.

Спать.

Легко сказать – спать, когда снова и снова во сне приходится проваливаться в бесконечно далекое прошлое, когда земля была еще теплой, и трава была еще зеленой, и мы сами были совсем другими, сейчас и не вспомнить, какими, по старинным фотографиям ничего не понять, не верится, что сколько-то перерождений назад мы могли быть такими.

Спать.

Спать.

Спать.

Легко сказать – спать, когда сегодня ночью все решится, сегодня мы заснем, чтобы проснуться тысячи лет назад, дома, наконец-то дома, где зеленая трава, где пламя очага ро- няет отблески на ночной лес, а из окон так сладко пахнет пирогом с черникой...

Черный кот в темной комнате

...он падает передо мной – замертво, вот так, через порог, за секунду до того, как пытается что-то сказать, уже не может, дергается в конвульсиях, замирает. Только сейчас ловлю себя на том, что смотрю на второго, стоящего за его спиной, он держит кольт, разглядывает меня в упор, расстреливает взглядом, пока еще только взглядом. Идет ко мне – шаг, шаг, шаг, моя рука сама собой тянется к двери, закрыть, захлопнуть, оттолкнуть безжизненное тело – он дергает кольтом, он намекает, что мне же будет хуже, если попытаюсь захлопнуть дверь.

Коченею, стою, не смею пошевелинуться, когда он идет ко мне – шаг, шаг, шаг, на крыльцо, прижимает кольт к моей голове:

– У вас есть темная комната?

– А? – от волнения даже не могу понять, что он спрашивает.

– Темная комната, говорю, есть у вас?

– Ёкает сердце, вспоминается что-то жуткое, из детства, не бегай, не кричи, не радуйся, а то пойдешь в темную комнату. Что-то страшное и зловещее там, за лестницей, что-то всегда закрытое на ключ, какие-то жуткие рассказы, а вот у нас в классе мальчик один, а его вообще не угомонить было, а на уроках на ушах стоял, а родители его потом в темную

комнату заперли, а открыли, а там и нет никого, и больше его не видел никто никогда...

– Э-э-э...

– Есть?

– Д-да...

– Отлично, отлично, вы даже представить себе не можете, как вы меня выручили... Из-звините, что так получилось, насорил у вас в доме... – он недовольно косится на труп, – не беспокойтесь, это мы уберем...

– ...в темную комнату?

– Э-э-э, не-ет, темная комната для другого нужна... Да вы не бойтесь меня так, честное слово, ничего я вам не сделаю, так-то я человек беззлобный... это Куберта прихлопнуть пришлось, так то Куберт... вы же не собираетесь в темную комнату?

Меня снова передергивает, снова ледяной ужасок по спине, вот не надо мне про темную комнату, вот не надо, снова вспоминается что-то жуткое, а девочка одна вазу разбила, а её мама в темную комнату заперла, и больше девочку не видел никто... И леденящий страх из детства, когда в воскресенье проснешься раньше всех, и хочется чего-нибудь урвать с кухни, а чтобы добраться до кухни, это надо мимо темной комнаты пройти, страшные три слова – мимо – темной – комнаты – и лежишь в кровати, и ждешь, пока рассветет...

– Нет, не собираюсь, что вы...

– Вот и правильно, вот и нечего вам там делать, это не для

таких как вы, темная комната, она не для слабаков...

Меня передергивает, это я-то... а что я-то, слабак и есть, можно подумать, я тут самый крутой и на медведя с голыми руками хожу... да до сих пор сначала в холле включаю свет, потом иду мимо темной комнаты...

– Вы... вы мне её покажете...

– Да-да, вот... – показываю на неприметную дверь за лестницей.

– Вот и отлично... вот и отлично, вы даже представить себе не можете, как вы меня выручили... Темная комната, говорите... А вы туда... м-м-м... не заглядывали?

Меня снова коробит.

– Да ни в жизнь.

– А вы не прислушивались... – он снова ходит вокруг да около двери, наконец, присаживается на софу, – что там... за дверью?

– Да знаете, я к этой двери...

– ...даже подходить боитесь.

– Точно.

– Нет, ну, может... – все еще вертит в руках кольт, быстро, нервно, так и жду, что выстрелит, – может, слышали... м-м-м... м-мяуканье?

Меня передергивает, в жизни не думал, что кто-то запер во мраке темной комнаты кош...

– ...да нет, нет же...

– Нет. Не было ничего такого.

– Уверены?

– Да говорю вам, я к этой темной комнате не подхожу даже...

– Правильно делаете, таким, как вы, лучше не подходить, опасно это... тут уметь надо...

Осторожно спрашиваю:

– А там что... кот?

– Э-э-э, это не просто кот... – многозначительно поднимает палец, – это... это же чёрный кот!

Мне кажется, я ослышался.

– Шутите?

– Да какие тут могут быть шутки, черный же кот!

– Но... таких не бывает.

– Вот-вот, я знал, что вы это скажете... все так говорят...

– А вы... а вы видели?

– Что видел?

– Кота... черного?

Незванный гость коротко фыркает:

– Э-э-э, мил человек, если бы я его видел, я бы тут не стоял... Я бы уже был... – показывает куда-то вверх, вверх, догадываюсь, что подразумевает что-то величайшее, о чем человек не смеет даже мечтать.

– Не видели... но тогда откуда вы...

– ...вы мне не верите? – он снова направляет колыт на меня, – вы не верите?

Меня коробит, понимаю, что эта перепалка может кон-

читься плачевно. Похоже, он и сам толком не верит в черного кота, кто-то когда-то рассказал ему эту странную легенду про кота, в которой он и сам крепко сомневается...

– Он есть... – незваный гость смотрит на меня, как мне кажется, с вызовом, – он есть...

Киваю:

– Да, да, конечно же... почему бы ему и не быть...

– Ну, вот видите? Видите? Я вам говорил! – тут же спохватывается, – ключ у вас от темной комнаты есть?

– Д-дложен быть... тут... на ключнице...

– Так давайте же скорее... какое счастье... я первый добрался до темной комнаты...

– В смысле... первый?

– Да вы даже представить себе не можете, сколько я искал эту комнату! Я обошел полмира...

Все еще не верю себе.

– Хотите сказать... но ведь в других домах тоже есть темные комнаты, и...

Он смеется, резко, отрывисто, истерично:

– Ну, вы и сказанули тоже... А ну да, сидите тут у себя, не знаете ничего... вы хоть у кого-то в доме темную комнату видели?

– Да я как-то... особо не хожу ни к кому... Но так-то не видел...

– Конечно, не видели, это же такая редкость... да что редкость, вообще можно сказать, единственная в своем роде...

темная комната... я верил... верил, что она есть...

– Так значит...

– Вы понимаете... всю жизнь слышал вот это... темная комната, темная комната... присказка какая-то, пугалка какая-то, ну вы сами посудите, что за комната без окон, в ванной и то окошечко есть... Никто не верил... не верил... Но я знал...

Снова холодок по спине, не хочется верить, что много лет жил в доме бок о бок с настоящим, а не выдуманном кошмаром...

– Давайте ключ, – он буквально вырывает у меня ключи, – вы, должно быть, испугаетесь... вам лучше этого не видеть...

Сжимаю зубы, говорю себе, что справлюсь, что в жизни себе не прощу, если не увижу того, что случится дальше, – а ведь не увижу, черт меня дери, я боюсь, как маленький, да даже хуже, то были какие-то детские фантазии, а то твердое знание, что все вот так вот оно и есть...

Отступаю из холла в фойе, натыкаюсь на труп, черт, я уже и забыть успел, вот так вот, совсем хорошо, а с этим мне как разбираться, не в саду же закапывать, а что еще, вот и придется браться за лопату, которой у меня нет...

Щелкает замок.

Хлопает дверь.

Тишина, от которой можно оглохнуть.

Смотрю на неподвижное тело, теперь только осталось, чтобы он поднял голову и встал, вот только этого сейчас

не хватало. Убитый не поднимает голову – сразу вскакивает удивительно резво, делает шаг ко мне...

Ору в голос, выскакиваю гостиную, окно, окно, где здесь окно, открыть, бежать на край света...

Мертвец фыркает:

– А здорово мы его провели, а?

– Так вы... не умерли...

– Да пока еще нет, успеется... – он заговорщически смотрит на меня, – так у вас там правда... – понижает голос, – темная... комната?

Догадываюсь:

– Так это он вас... из-за комнаты?

– Да из-за какой комнаты, кому она нужна, комната эта вообще? Кот!

– Чёрный... кот?

– Вот именно! Чёрный кот! Он должен быть в темной комнате, просто должен быть...

– Думаю, кто сошел с ума, я или все вокруг, поверить не могу, что один человек убил другого из-за какой-то безумной легенды про черного кота в темной комнате...

– Кот будет моим... даже не сомневайтесь...

Щелкает причудливым оружием, не могу толком понять, что это такое вообще.

Мерзкий холодок.

– Вы... вы что... хотите его убить?

– Ну, разумеется.

– П-постояйте... я про кота...

– Так и я про кота, хотя вы правы, этого негодяя тоже пристрелить не мешало бы... кот будет моим...

Я так и не понимаю, что ему будет с этого кота, только по тону понимаю, – что-то особенное, что-то крайне важное, что-то, ради чего и правда стоит объехать полмира и застрелить других искателей, чтобы не добрались до кота... Несостоявшийся мертвец идет к двери в темную комнату, у меня что-то обрывается внутри, иду за ним на ватных ногах, бормочу что-то, да постояйте, да как же, да кот же, да нельзя же...

Он разворачивается, направляет оружие на меня, глаза бешеные:

– Ни с места.

Замираю, уже чувствую, что пристрелит, не дрогнет. Он распахивает дверь темной комнаты (!) – не выдерживаю, выметаюсь в спальню, чтобы та чернота за дверью не поглотила меня...

Тишина.

Еле слышные шаги.

Сдавленный крик.

Два выстрела, почти одновременно.

Стук – какой-то обмякший, приглушенный, понимаю, что падают два тела.

Холодок по спине.

Осторожно выглядываю в холл, тут же отскакиваю, вот черт, предупреждать надо, что дверь распахнута, и черная

зияющая пустота щерится на меня.

Ну, давай же, говорю я себе.

Давай же.

Пять шагов.

И снова боязно, как в детстве, и хочется захлопнуть дверь спальни, нырнуть под одеяло, затаиться, спрятаться, чтобы то, темное, не схватило, не сцапало, чтобы... тяну руку к выключателю, так и жду, что в неё кто-нибудь вцепится, нет, никто не цепляется, щелкаю кнопкой, свет получается какой-то тусклехонький, таким светом тьму не прогнать...

Сжимаю зубы.

Идти.

Идти.

Захлопнуть эту чертову дверь...

...и он пошел в темную комнату, и с тех пор никто его не видел...

Выбираюсь в холл шажочками-шажочками подхожу к черной бездне...

– Мя?

Вздрагиваю от этого настойчиво-вопросительного Мя, подскакиваю на месте, вот черт...

– Мя?

Обхожу дверь, шепотом-шепотом-шепотом...

– Мя!

Не выдерживаю, шепчу в темноту комнаты:

– Кс-кс-кс-кс...

– Мя-а-а-а!

Бегу через столовую к кухне, открываю холодильник, вытаскиваю кусок индейки, что я делаю вообще...

– Мя?

Иду через столовую, только сейчас ловлю себя на том, что мне не страшно, а ведь я к темной комнате иду, а мне не страшно, нет, все-таки страшно, бросает в жар, когда вхожу в темноту комнаты, и дальше, дальше, протягиваю индейку...

– Мя-а-а-а!

Что-то касается моей руки, что-то теплое, мохнатое, щекочущее усами, что-то чавкает, обдает влажным дыханием...

Протягиваю руку, глажу пушистый мех.

Сейчас я узнаю, что может кот...

Сейчас узнаю...

Пятикомнатный фонарь

...дело в том, что у моих родителей не хватило денег на нормальный дом – тогда ни у кого не хватало денег на нормальные дома – но мой отец в отличие от многих и многих не растерялся. Поэтому для жизни мы облюбовали старый фонарь, который висел на перекрестке двух уже не существующих улиц. Мы арендовали его за смехотворную сумму, нам повезло, что никому не пришло в голову брать много денег за старый фонарь.

Конечно, вчетвером уместиться в фонаре было сложно-вато (с родителями тогда жила моя тетушка Салли), но выбора у нас не было. Когда меня спрашивали, где я живу, я с гордостью отвечал – в фонаре, и те, кто помладше, даже завидовали мне, что я живу в фонаре. Правда, те, кто уже приблизился к рубежу взрослой жизни, только презрительно фыркали – но меня это не смущало.

Больше всех нашим фонарем гордился отец – например, он не уставал напоминать нам, что фонарь непременно должен светить, а поэтому мы все обязаны светиться. Не спрашивайте, как мы это делали, не говорите, что люди не могут светить – в то время я не задавал себе таких вопросов. Отец велел мне светить, и я светил во всю мочь. Тетушка Салли, правда, жаловалась, что устаёт светить так много, но глава семьи и слышать не хотел никаких возражений.

Сколько я себя помню, столько у нас были проблемы с тем, что мы живем в фонаре – то городские власти возмутились, что нельзя жить в фонаре, а отец с пеной у рта доказывал, что нет такого закона. То кто-то жаловался, что наш фонарь был повешен на доме, который снесли тридцать лет назад, и теперь крепление с фонарем висит в пустоте. Поэтому я даже не испугался, когда нам в очередной раз принесли извещение, что наш фонарь подлежит сносу, ну, не сносу, ну, чему там может подлежать фонарь. И напрасно – потому что в тот же день наш фонарь сняли с пустоты, на которой он висел, и унесли за черту города.

Я не могу сказать, что для нас это было большой трагедией, за городом мы устроились довольно неплохо, – отец с гордостью говорил, что наконец-то мы можем повесить наш фонарь не на пустоту, а хотя бы на сосну в лесной чаще.

Здесь хочется оптимистичного продолжения истории – например, что мы купили или получили квартиру в городе, или кто-нибудь оставил нам приличное наследство, – но ничего подобного не произошло, мы так и жили в фонаре, одиноко висящем на дереве. Хочется сказать, что когда я вырос, то переехал в какой-нибудь город и выбился в люди – но и этого не произошло. Может, мне не хватило упорства и настойчивости, а может, люди не хотели иметь со мной дело, потому что я светился. Свечение настолько прочно вошло в нашу жизнь, что я уже не представлял себе, как можно не светиться, и кажется, если бы попробовал перестать све-

титься, у меня не получилось бы. Все мои попытки устроиться в городе заканчивались полным провалом, мне даже казалось, что люди посмеиваются надо мной.

Поэтому я немало изумился, когда люди пришли к нам в лес. Это было тем более странно, что лес посетили не какие-то случайные люди из бедных районов, которые иногда перекидывались с нами парой слов, – нет, на опушку пришли градоначальники, важные и чванливые отцы города. Они вежливо говорили что-то, что произошла ошибка, и что наше семейство имеет полное право жить в старом фонаре на перекрестке двух несуществующих улиц. Отец торжествовал, он без устали повторял нам всем, что мы победили, что справедливость восстановлена, – и только я не разделял его восторга, я чувствовал, что за поведением горожан скрывается что-то страшное.

Предчувствия не обманули меня – когда мы торжественно вернулись в город, и отгремели пышные празднества, я посмотрел на небо, посмотрел как следует, по-настоящему – и не увидел на небе солнца.

Я спрашивал у людей, куда они дели солнце – горожане поспешно отводили глаза, сворачивали разговор, тушевались, растворялись в лабиринтах улиц. Я спрашивал себя, что они сделали с солнцем – и что они рано или поздно сделают с нами, ведь мы так похожи на солнце...

Тем же вечером меня посетила еще одна тревожная мысль – я спросил себя, что делается в других городах, ведь

над ними тоже нет солнца. Это было тем более странно, что раньше я не думал ни про какие другие города, и сомневался, есть ли они вообще. Я осторожно спрашивал у отца – что там с людьми за пределами нашего города – он только недобро фыркал и бормотал, что ему нет до этого никакого дела.

Мне тоже не должно было быть никакого дела до того, что происходит где-то там, там – тем более странно, что я выискивал на старинных картах, где находится ближайший город, – в шестидесяти километрах к северо-западу – и под шумок направился туда...

...чем дальше, тем меньше я верю, что дойду до города, – слишком безвыходным лабиринтом выворачивается темная чаша. А еще не дают покоя сны, настолько тревожные и страшные, что с каждым таким сном все меньше хочется идти вперед.

Иногда мне снится, что впереди нет никакого города, что карты врут, мало ли что эти карты скажут, мало ли что насочиняют, выпьют лишнего вечером в баре, и начинают травить всякие истории о городах. В другие ночи или в другие часы приходит сон, который говорит, что я опоздал, что города где-то там за лесом покрылись вечными льдами, и я найду только зачоченевшие трупы.

Бывают и иные сны – которые кажутся светлыми, но на самом деле только сильнее нагнетают тревогу. Например, мне снится, как я прихожу в город – большой, величественный,

намного больше и прекраснее, чем город, в котором я жил. Я вижу обледеневшие городские ландшафты, я вижу людей в темноте вечной ночи, которые бегут навстречу моему свету, подставляют ладони теплу. Я нахожу старый фонарь на перекрестке двух улиц, я устраиваюсь в нем, даже делю на комнаты, чтобы у меня была спальня, кухня, кабинет, я освещаю город.

И когда уже кажется, что все будет хорошо – мне снова становится страшно, когда я вспоминаю, что я не вечен, что однажды я погасну навсегда, и некому будет освещать город. Я не знаю, что делать, – пока не появляется Бетти, и даже когда появляется Бетти, я не знаю, что делать, я веду её в какое-то кафе, я осторожно говорю с ней, что она думает про большую семью, когда стайка ребятишек вечерами собирается в комнате и слушает сказку. Бетти смущена, я вижу это, Бетти не думала ни о чем таком. Думаю, сколько девушек в городе мечтают о встрече со мной, и у скольких мне еще придется спросить.

А потом замечаю, что Бетти тускло светится в темноте – еще тускло, но уж светится.

Я знаю, что делать, я хожу по улицам, я говорю с людьми, я улыбаюсь им – люди начинают тускло мерцать, потом разгораются все ярче.

Я спокоен за город.

Теперь я по-настоящему спокоен за город, и даже выискиваю на картах другие города – на мою беду они оказываются

бесконечно далеко, я понимаю, что не успею их достичь.

А потом, – говорит мне сон, – люди скажут мне, что я должен им кругленькую сумму, потому что аренда фонаря стоит очень дорого, ну а как вы хотели, город дорогой, а вы тут целый фонарь себе отхватили... А вы скажете – говорит мне сон – что у вас нет денег, откуда у вас вообще деньги, вы успели напрочь забыть, что есть какие-то деньги, да вы много что успели напрочь забыть. И тогда люди скажут, что так нельзя, что вы должны быть казнены, сию минуту, немедленно, и потом вы будете вспоминать, что они сами виноваты, направили на вас ружья, а вам что было делать, только вспыхнуть ярко-ярко и сжечь их всех, всех, дотла, до самой последней улицы. И вы останетесь один в пустом городе, который теперь будет тускло мерцать...

Так говорит мне сон – и я стараюсь не слушать его, не слушать, просыпаться и идти дальше в темноту леса, искать город, где для меня найдется одинокий старый фонарь...

То, чего нет

Главное – не заиграться, говорю я себе, и понимаю, что заигрался уже давно, окончательно, бесповоротно, и это уже больше, чем игра, это где-то там, внутри меня, в самой глубине подсознания. Прямо-таки вижу, как мысли скользят в мозгу по накатанным дорожкам, пытаются вырваться из колеи, не могут.

– С добрым утром.

Это Лада. Как всегда, поставила жарить яичницу, и пошла белье замачивать, в этом вся Лада, спохватится, когда из кухни горелым запахнет, или когда вода через край побежит на пол, или еще когда-нибудь. Мимоходом думаю, надо бы однажды застать Ладку за какой-нибудь книгой, или увлечение какое ей предложить, пусть там игрушки шьет, или еще что такое...

Я ничего не скажу Ладке про свои мысли.

Ничего.

Выхожу во двор, припорошенный снегом, сразу вижу цепочку следов, вот она тянется от ограды к курятнику, чер-р-рт...

Кидаюсь проверять ограду, быть не может, чтобы прорвали, проломили, прогрызли, а ведь кто-то же как-то попал сюда... Нет, ничего, стоит целехонькая, значит, остается только одно, – кто-то перемахнул эти три метра, вот так, легко, про-

сто, прикидываю длину прыжка – спину пробирает неприятный холодок...

Курятник... вернуться в прихожую, взять ружье, проклясть себя, что вышел без ружья, осторожно заглянуть в сараюшку, почему куры не кудахчут, они должны переполошиться как ошалелые, пух-пух-пух-пух-пух-пух, а тут – тишина...

Прислушиваюсь, присматриваюсь к полумраку, уже готовлюсь увидеть растерзанные тела, стены, забрызганные кровью. Нет, ничего, странно, что ничего. Только сейчас замечаю – цепочка следов идет куда-то в обход курятника, куда-то в узкий проход – похоже, незванный гость не смог открыть дверь, пошел искать другие пути...

Заглядываю в крошечный проулок, буквально натываюсь на зверя – смрадная пасть, гноящиеся бельма глаз, даже не сразу понимаю, два их или четыре, и вообще, стоит он на двух лапах, или на четырех, нет, все-таки на четырех, а эти две спереди тогда откуда, эти две, которые вонзились в меня когтями... Ножичек, ножичек, скорей, скорей, бить-бить-бить, зажмуриться, когда летят в лицо кровавые брызги, наконец, оттолкнуть от себя это смрадное, удушающее, уже мертвое...

...а все-таки у него шесть лап, нет, восемь, вот еще где-то две на спине, и две пасти, одна спереди, мощная, убивающая, вторая чуть пониже, какая-то нелепая, неразвитая, от этого еще более омерзительная...

Присыпать кровь на снегу, выволочь труп за ворота, тяжелый, с-сука, а теперь подальше, подальше от дома, пока не сбежались на кровавые запахи... Сбрасываю с обрыва, снизу разлетается-разбегается что-то несуразное, машет зачатками не то крыльев, не то не пойми чего...

Домой. Сбросить в прихожей куртку, припрятать хорошенько, чтобы Лада не видела порезы... поздно, уже увидела, уже ворчит, ну где ты эти гвозди постоянно находишь, давно пора курятник в порядок привести, чего тебя туда понесло, я утром уже яиц набрала...

Хлопаю себя по лбу, а ведь не сходится, не сходится, если Лада там утром была, она бы зверя увидела... или нет, Лада еще до рассвета к курам наведальась, а зверь появился позже, хоть на минуту, но позже... Прошибает запоздалый страх, если бы она помедлила хотя бы минуту, если бы...

...Лада будит детей, завтракать, завтракать, Даньку, как всегда, не добудишься, да и Таньку тоже, что за дети вообще, я в их годы ни свет, ни заря подскакивал, когда в школу не надо было, а им все время в школу не надо, а они спят... Могли бы и завтрак сами сообразить, пора бы уже уметь. Думаю, что хуже – или когда детей не добудишься, или когда они сами ни свет, ни заря подскочат, шум-гам поднимут...

Данька-Танька ломятся к столу, одергиваю головорезов, а умываться, а причесаться... Устраиваемся за столом, мимоходом слежу, чтобы что-нибудь не перевернули, дети все-таки. Ага, проснулись, шумят, галдят, дразнятся, Данька

трещит про актрису прогорелого театра, это он про Таньку. Даже не одергиваю, что не прогорелого, а погорелого, это объяснять придется, и долго...

...Танька актрисой стать хочет. Прикидываю, чего я боюсь больше, что она передумает или что она не передумает. Танька на Даньку сердится, а вот в Москву поеду, актрисой стану, а вот в театре выступать буду, а все смотреть пойдут, а тебя вот не пущу, да! Данька ржет, да кто на тебя смотреть пойдет, страхолюдина чучельная, Танька визжит, а вот в Москву поеду, а тебя в Москву не пущу, понял, да? Данька орет, а нету, а нету твоей Москвы, и тут уже Танька слезами заливается, па-а-п, ма-ам, ну скажите ему, что е-е-есть...

Я не знаю, что ответить, мне нечего отвечать, мне тоже очень хочется сказать, что есть, – но откуда мне знать...

А Танька актрисой хочет быть.

Это она в каких-то журналах насмотрелась, чего Лада вообще журналы ей эти подсунула, красиво, видите ли, ну и что, что красиво, а ребенок теперь грезит непонятно о чем...

Хлопаю в ладоши, так, куда разбежались, марш, марш со стола убирать, посуду мыть, а потом, Тань, будешь мне Джульетту играть, как она на балконе, десятка слов не сказано у нас, а как уже знаком ей этот голос, ты не Ромео, не Монтекки ты... А вот теперь сыграй так, будто эту Джульетту играет... злая ведьма из Белоснежки, вот она в Джульетту превратилась, всех обмануть хочет, а все равно видно, что это

ведьма... Нет, так ты просто голосом злой ведьмы говоришь, а ты представь, она в юную девушку превратилась, и не отличишь... а чем она себя выдаст? Невольным жестом, или взглядом каким, или интонацией... А ты как хотела, голуба, актрисой быть, это тебе не на обложке журнала сидеть, это работа адова, ты уже не знаешь, как выпендриться, а режиссер сидит себе, покрикивает – не ве-е-е-р-ю-ю-ю-ю-ю!

Шорох. Там, снаружи. На крыше. Вот это вообще дело дрянь, что на крыше, так эта нечисть меня не спросит, куда лезть, куда не лезть, я бы еще таблички повесил, сюда нельзя... Выхожу в холодок уже не осени, но еще не зимы, смотрю по сторонам, нет никого на крыше, показалось, да не показалось, что-то скрежещет, скребется что-то, только бы не на чердаке...

Обхожу дом шажочками-шажочками в сторону курятника, тут-то оно и валится на меня сверху, падает в двух шагах на тающий снег... Выпускаю всю обойму, летят кровавые ошметки, чер-р-р-т, сколько раз себе говорил прицеливаться, точно, аккуратно, чтобы одним выстрелом, нет же, каждый раз как вижу вот эту всю нечисть, так выпускаю всю обойму, ну, конечно, у меня же личный патронный завод, и не один, штук десять, не меньше...

И сколько раз зарекался не смотреть на вот это, подстреленное, и снова смотрю, на голову, похожую на морду кабана, на нелепые клыки, которые не помещаются в пасти, на безумное хитросплетение лап, суставы, суставы, суста-

вы...

...оттащить, – на этот раз не так тяжело, – сбросить с обрыва, где уже налетели эти, недокрылатые, это плохо, что налетели, так и к дому подберутся, еще только возле дома мне дряни этой не хватало. А потом доделывать ограду, здесь, сейчас, выше, выше, заключить дом в клетку, чтобы больше ни одна тварь не проломилась...

Лада не понимает – зачем, Лада спорит со мной, лучше бы крыльцо до холодов починил, Лада никогда не поймет, зачем сетка, Лада не видит этих, лезущих из темноты леса.

Понимаю, что заигрался. Слишком сильно, чтобы отступить. Понимаю, что надо что-то делать, – когда натягиваю сетку на колья. Понимаю, что ничего уже с собой не сделаю, это уже давным-давно перестало быть игрой, вросло в меня, пустило корни в сознание.

Данька помогает с сеткой, Данька хочет на крышу, ну пожа-а-алуйста, я не хочу пускать Даньку на крышу, мне страшно за Даньку, и тут же корю себя, что это за жизнь такая, когда даже на крышу не залезть, это же так важно, когда тебе десять лет, чтобы на крышу, а оттуда деревеньки видно, а Данька будет спрашивать, кто в них живет, а в них никто не живет, и придется объяснять, а почему...

Я рассказываю Даньке про дальние страны, которые там, далеко, про Италию, где эта самая Джульетта танькина жила, то есть, на самом деле не жила, её Шекспир придумал, а Шекспир в Англии жил, остров такой, там еще Робин Гуд

был, и король Артур, и Шерлок Холмс, и безумный Шляпник, то есть, что я несу, их не было никого, это же все выдумки...

Выдумки...

Что-то карабкается по сетке, сбиваю одним выстрелом, Данька кричит, а чего там было, я вру что-то про лису, Данька не понимает, а лисы чего, по сеткам лазают, я вру что-то, ну да, иногда бывает такое...

Идем домой, дома скандал, вот только скандала нам еще не хватало, ну что там опять случилось, сколько раз Ладе говорил, чтобы за каждую разбитую чашку на детей не орала, как потерпевшая, чашки, конечно, тоже не бесконечные, и все-таки...

Меня разбирает смех, когда я вижу Таньку в длинной шторе с прорезями для рук, как она вообще гардину эту тяжеленную сняла, а, она её не сняла, а половину от неё отрезала...

Обнимаю Ладку, шепчу что-то на ухо, а мы в воскресенье в город съездим, где «Камелот», а мы там шторму новую возьмем, и Таньке платье какое... да и вообще чего бы её шить не научить, пусть себе костюмы всякие придумывает, тоже дело хорошее...

Отчаянно прикидываю, как я собираюсь ехать в город, это бензин надо, за бензином в деревеньку идти, если там вообще что найду, если не сожрут меня по пути в деревеньку...

Так.

Стоп.

Дофантазировался, домечтался, доигрался уже черт знает до чего, скоро уже по деревне с ружьем начну расхаживать, и по торговым центрам с ружьем пойду от нечисти всякой отстреливаться, вот потеха будет...

...вечереет, сейчас рано вечереет, все-таки уже ноябрь. По вечерам мы собираемся у очага, читаем что-нибудь, что мы сегодня читать будем, а вот, днем про Холмса говорили и про безумного Шляпника, Алису им, что ли, почитать, в стране Чудес, не понимаю я эту Алису, лучше про Холмса что-нибудь, мрачное такое, готическое, таинственное... хочу созвать всех, понимаю, что Даньки нет, и курточки Данькиной нет, и... а вот это уже интересно, ружья нет, какого черта вообще происходит...

Выбегаю на улицу в подступающий туман, вот сейчас на меня кто-нибудь и набросится, только этого еще не хватало. Сейчас бы заорать во все горло – Да-а-а-нька-а-а-а, да как заорешь, как заорешь, они все только того и ждут, чтобы я заорал...

Одергиваю себя, хватит в игрушки играть, хватит воображать себе невесть что, нормальные люди в моем возрасте уже... уже... не знаю, что уже, но точно не фантазируют себе всякое, чего нет.

Не выдерживаю, само рвется из горла:

– Да-а-анька-а-а!

Лес молчит, как-то нехорошо молчит, даже ветра нет, чет-

ко очерченные деревья на фоне темнеющего неба... чертов снег, какого черта растаял, так бы хоть следы были, а так вообще ничего...

Бегу в темноту леса, что-то красное виднеется за деревьями, нет, показалось, нет, не показалось, красная курточка, почему он лежит на снегу, почему не встает, почему, почему, черт возьми, почему...

– Данька!

Данька подбирает с земли оброненное ружье, смотрит на меня, ждет неминуемого нагоняя...

– Ты... ты чего выдумал-то, а?

– А я это... а я в Англию...

– Еще куда?

– Не, ну пап, ну короля Артура посмотре-еть!

Сжимаю зубы, вот так, сначала эта в Москву рвется, теперь этот в Англию, дальше что...

– Домой пошли.

– Па-ап, а в Англию, а я быстро!

– Да ты хоть понимаешь, что до неё месяц ехать, если не больше?

Ору. Спыхватываюсь, что он и правда не понимает, что я ему так и недорассказал, где она, Англия эта, где вообще что...

– Домой. Быстро. Дома поговорим...

Гоню Даньку перед собой, быстрее, быстрее, убил бы, стоп, что я думаю такое, я должен вообще плясать и прыгать

от счастья, что его никто не убил...

Холодеет в груди, – когда вижу, что дверь в дом открыта, вот так, настежь, совсем хорошо, походу, у меня уже кукуха поехала...

Входим в дом, ничего не случилось, ничего не случилось, просто... просто, потому что ничего не случилось, и все хорошо, ну... ну не может быть иначе...

Снова все переворачивается внутри, – когда я вижу их в комнате, три твари, одна на лестнице, еще две возле кухни, принимают, заинтересованные запахами ужина, вот они, стоят в двух шагах от Лады с Танькой... Лада их не видит, Танька тоже, они не могут их видеть, оно и к лучшему, что всю эту дрянь вижу только я...

Стреляю в то, что на лестнице, черт, промазал, еще двое бросаются на меня, бью прикладом, что-то мерзко хрустит, одна тварь падает, вторая впивается в руку, бросаю ружье, нож, нож, нож, где нож, какого черта нет, вот он, родимый, рассекаю глотку жуткого зверя, кровища по ковру, чер-р-рт...

А теперь самое поганое, а теперь подняться наверх, обыскивать коридоры, где эта мразь, которую я даже не ранил, где...

...что-то валится сверху, швыряет меня на пол, что-то смрадное, жаркое, массивное, от чего нужно перекатиться на спину, черт, не слезает, рвет когтями, шея, шея, где у него шея, сжать что есть силы, крепче, крепче, мерзкая нечисть

с хрипом отваливается от меня, не отпускать, сжимать, сильнее, сильнее, пока у самого не потемнеет в глазах...

...только потом вспоминаю про Ладу с детьми, вернее, не так, странно, что я про них ни на секунду не забывал, они так и стояли все в комнате в моем воображении, Лада и дети, они бы даже испугались, если бы я позволил им испугаться, но я так придумал, что вот эта вот вся дрянь, которая происходит на самом деле, она не коснется моей семьи, моего мира, просто... не коснется...

...вернуться в дом после того, как выкинул трупы с глаз долой, свернуть ковер, завтра придумаю, что с ним делать, не ехать же, в самом деле, в город, чтобы живым оттуда не вернуться... Лада будет ворчать что-нибудь про ковер, ах, да, она не увидит, что стало с ковром.

Задергиваю гардины, обе целые, я уже и забыл, как днем придумал, что Танька половину шторы отрезала... ну вот пусть она сейчас в этой половине шторы и сидит, сильно ей понравилось, а мы сегодня читать будем... вот, Собаку Баскервилей читать будем, мистер Шерлок Холмс, имевший обыкновение вставать очень поздно...

А вот еще что, а пусть Танька и правда в Москву поедет... ну не сейчас, ну потом, когда-то в будущем, и мы все когда-нибудь поедем вместе по белу свету посмотреть балкон Джульетты и могилу короля Артура и все такое, вот следующим летом поедем, а это следующее лето будет каждый год отодвигаться еще на следующее, и Таньке всегда будет

десять лет, само собой, она никогда не вырастет, и никуда не уедет...

Надо бы еще соседей придумать, чтобы оживить мертвую деревеньку, вот там пусть старушка какая-нибудь живет, а в доме напротив семейная пара, а еще через два дома... пока не знаю, кто, но кто-то обязательно должен быть...

Душа ин альтиссимо

Возьмите звезду.

Обыкновенную, любую, ту, которая ближе к вам.

Возьмите осторожно, чтобы не спугнуть.

Летите с ней к другой звезде.

Пока будете лететь, согревайтесь теплом первой звезды.

Когда первая звезда погаснет, возьмите вторую звезду.

(Осторожно)

(Чтобы не спугнуть)

Летите к еще одной звезде.

А-а-а-а-а-а-а-а-а-а!

Па-а-а-а-да-а-а-а-ю-ю-ю-ю-ю!

Падаю – в бездну, в звезды, в черную колючую пустоту, ищу опору, опоры нет, ничего нет, да черт возьми, да не может же быть бесконечным это падение, ну не может, не может...

А ведь может, еще как может – падаю и падаю в никуда, рассекаю космический холод, обогретый лучами звезды...

Проснуться.

Проснуться.

Проснуться.

Нет, черт меня дери, какое там – проснуться, вот это вот – А-а-а-а-а-а-а-а-а-а! – и было – проснуться, как будто мож-

но проснуться от яви.

Вспоминаю явь – просто чтобы не сойти с ума, крошечный городок на отшибе мира, какие-то дерзкие мечты, поехать, увидеть, покорить, огромная столица, которая потерялась сама в себе и теперь мерзнет на ночных улицах, отчаяние, фрегат, плывущий в никуда, в новый мир, новые надежды, новые чаяния, зеленая полоска земли на горизонте, стук топора, первые домишки, дикие звери в темноте осени за чашкой, крики среди ночи, всполохи факелов, оскаленные пасти, нет-нет-нет-нет, не меня, не-меня-неменя-а-а-а, ночь с хрустом смыкается на моем горле, могильный холод вонзается в разум...

Было же было, и почему я здесь, в бесконечном падении в никуда, это смерть, нет, не смерть, что-то другое, настолько непонятное мне, что...

Возьмите звезду.

Обыкновенную, любую, ту, которая ближе к вам.

Возьмите осторожно, чтобы не спугнуть...

...я не могу вытряхнуть его из памяти – все остальные вытряхивались удивительно легко, стоило выпасть из воспоминаний в сейчас – а этот зацепился за мое сознание, ютится в пустоте космоса, как на холодных улицах столицы, греется у звезды, как у костра в первую ночь на чужой земле...

Возьмите звезду.

Обыкновенную, любую, ту, которая ближе к вам.

Возьмите осторожно, чтобы не спугнуть...

...сегодня я решил побыть жителем тридцатого века, просто так, для разнообразия, чтобы пережить юность в огромном доме посреди других огромных домов, мечты о чем-то большем, грандиозном, величественном, скитания по бесконечному городу, фрегат, летящий в бесконечную ночь, сон длинной в три тысячи лет, первые дни на чужой земле, необъяснимые смерти – как будто ни от чего, судорожное ожидание неминуемого...

Возьмите звезду.

Обыкновенную, любую, ту, которая ближе к вам.

Возьмите осторожно, чтобы не спугнуть...

...сейчас я одновременно звездочет в городке посреди пустыни еще до первых государств – и житель умирающей деревеньки за полярным кругом уже после того, как все государства мира объединились во что-то большее. Должно быть, на меня смотрят косо, я сам на себя смотрю косо, где это видано, чтобы быть двумя сразу, – а ведь получается, удивительно легко, ловко, и крик погонщика в пустыне перекликается с лаем собаки в заснеженных сумерках, и я смотрю на звезды севера, вспыхнувшие в тропическом небе, и по-

лярное сияние растекается над барханами...

Возьмите звезду.

Обыкновенную, любую, ту, которая ближе к вам.

Возьмите осторожно, чтобы не спугнуть...

...я не знаю, что делать, он подходит нам и не подходит одновременно. А так нельзя, если не подходит, нас уже восемнадцать, мы уже сжились, слились, пустили друг в друга корни, откликаемся друг другу в унисон, и если ненадолго замолкает, затихает бурная жизнь одного, – тут же откликается жизнь кого-то другого, и даже само безмолвие звучит между нами. А он не звучит, он выпадает из получившейся мелодии, – неместная судьба, как фальшивая нота, упавшая в мелодию не в то место и не в то время.

Проще свернуть его прошлое и убраться подальше – мы так делали со многими, многими и многими, кто не попадал в ноты наших судеб, – но не зря же мы взяли его, не зря же заметили среди миллиардов судеб, – какой-то фантастический обманщик, мошенник, который обещал людям звезды, но те, кто несли ему несметные сокровища, разумеется, никаких звезд не увидели.

Но ведь он обещал звезды – так, как никто и никогда ни до, ни после него не обещал людям звезды...

Может, нужно было сыграть его на октаву выше или ниже, ин альтиссимо, или как оно там называется, если могут быть

у души какие-то октавы. Мы спрашивали у других мелодий, что нам делать – они разводили руками, они не знали, никто и никогда не испытывал ничего подобного...

Возьмите звезду.

Обыкновенную, любую, ту, которая ближе к вам.

Возьмите осторожно, чтобы не спугнуть...

...не понимаете, что это?

Вот мы тоже не понимаем, повторяем – как мантру, как молитву, как данность, потому что ну вот так надо.

...Сегодня я нашел себя – нашел случайно, я вообще не собирался искать никакого себя, я вообще не знал, что где-то есть какой-то я. А вот нашел, нашел в соседней мелодии, если можно считать соседней мелодию за тысячи световых лет отсюда...

Что такое?

А, ну да.

Извините, забыли:

Возьмите звезду.

Обыкновенную, любую, ту, которая ближе к вам.

Возьмите осторожно, чтобы не спугнуть.

...я его ненавижу – хотя он не сделал мне ничего плохого, да и вообще редко вспоминает о моем существовании. Я

ненавижу его – за то, что он такой же, как я, просто до неприличия точно такой же, один в один – из тех же самых судеб, из тех же самых воспоминаний, из тех же самых фрагментов прошлого. И тем непонятнее, как у него получилось сложить из точно таких же людей совершенно другую мелодию, в которой нет ничего от той музыки, которая живет у меня, вернее, даже не так – я уже сам эта музыка. Как он увидел в тех же самых людях что-то совсем другое, чего я не замечал...

Возьмите звезду.

Обыкновенную, любую, ту, которая ближе к вам.

Возьмите осторожно, чтобы не спугнуть...

...а...

...а звезды кончились.

Вот так.

Да.

Внезапно.

А что делать, когда звезды кончились, в мантре ничего не сказано, что делать, если нас осталось пятеро, самых крепких, выживших, доедающих последние звезды, по одному на каждого. И только мы пятеро, и вокруг бесконечная карусель из погасших звезд – насколько хватает глаз. Нужно что-то делать, сквозь мелодию судеб, сквозь музыку воспоминаний пробивается – нужно что-то сделать, и скорее, скорее,

пока не поздно, пока не погасла последняя звезда...

...спохватываемся.

Все.

Разом.

Спрашиваем себя, а что, собственно, вообще происходит, как так получилось, что мы тут все вместе – и астроном из тех времен, когда не было даже стран, и бродяга, так и не покоривший Новый Свет, и человек в умирающей деревне, у которого вечно не хватает решимости что-то поменять в своей жизни, и житель огромного мегаполиса, ищущий себя в межзвездных странствиях, – почему мы чувствуем друг друга, почему мы читаем мысли друг друга, только это нечто большее, чем чтение мыслей, почему мы переживаем все это как будто не только не в первый, и даже не во второй и не в третий, а чуть не в миллион какой-то там раз.

...воспоминания...?

Нет, что-то другое, большее, чем воспоминания обо всех, живущих когда-либо, судьбы, которые переплетаются между собой, складываются в причудливые композиции, как ноты складываются в мелодии.

Мы в раю, говорит средневековый звездочет.

Мы хотим возразить ему – но нам нечего возразить. Но что-то подсказывает нам, что не все так просто, да и не бывает в раю космических станций, солнечных батарей,

суперкомпьютеров, не то начиненных памятью обо всех событиях прошлого, не то вытягивающих из прошлого события.

А у нас все это есть.

Вернее, даже не так.

Мы сами – все это.

Какой сейчас год, спрашивает кто-то.

Спохватываемся.

И не потому, что не знаем, какой сейчас год, а потому, что уже слишком поздно говорить про какие-то года, потому что нет таких чисел, кто-то вспоминает какие-то дециллионы, десять в степени десять, в степени десять, в сте... или нет, это уже не дециллионы, или да, да погодите вы...

Перебираем воспоминания, – огромные солнечные батареи, крыльями расправленные вокруг Земли, люди, подгоняющие солнце в сторону Проксимы, тысячелетние погонщики звезд, собирающие звездные стада и стригущие с них тепло...

...спохватываюсь.

Наконец-то прихожу в себя, – окончательно, по-настоящему, вспоминаю, кто я, и что нужно делать, здесь, сейчас, немедленно, пока еще не поздно...

Отбросьте все лишнее.

Все-все.

Возьмите погасшую звезду.

Самую маленькую.

Разгонитесь на ней как следует.

Летите дальше.

В небо.

К другим галактикам.

Вот что нужно сделать, сейчас, скорее, немедленно.

Пока не поздно.

Пока еще горят звезды где-то там, там.

Отбросить все лишнее.

Отбросить все лишнее...

Что – все лишнее, спрашиваю я себя, нет у меня ничего лишнего, не считать же лишней мелодию, не считать же...

...перебираю ноты-судьбы, перебираю мелодию.

Перебираю воспоминания – на этот раз не о будущем, а о прошлом.

Ищу воспоминание о музыке, которая не из нот, а из людей, и как из этой музыки получить тепло и свет...

Пропавшее море

...с утра приходили, спрашивали меня, когда я в последний раз видел море, – я ответил, что вчера вечером, когда купался в нем. Тогда меня спросили, в котором часу это было – я не знал, я не следил за временем, ведь всем известно, что на курортах времени нет, оно остается где-то там, в больших городах. Это сыграло против меня – стали подозревать, что я последний, кто видел море, а значит, я очень даже могу быть виноват, что море исчезло.

На меня даже подумали, что это я украл море, спрятал где-нибудь у себя в номере – перерыли все мои чемоданы, но, разумеется, ничего не нашли. На мое счастье, никто не подкинул мне море – потому что никто не знал, где оно вообще.

Ближе к полудню спохватились, что море могло утонуть, – ну, конечно же, вечно оно на берегу, с раннего утра и до поздней ночи, вот и утонуло.

Об этом я узнал ближе к полудню, когда пошел на пляж – пляж оцепили, пляж прочесывала полиция, в море погружались водолазы, искали утонувшее море. Я спросил их, как можно в море найти утонувшее море, – никто не знал. Я спросил, как так вообще, ведь если море утонуло, то никакого моря тут быть не должно, а если нет моря, то в чем тогда утонуло море. Никто не знал, никто не понимал, но, черт возьми, надо было что-то делать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.